

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ»

Утверждено
Министерством образования и науки
Луганской Народной Республики
(приказ №189-ОД от 07.03.2019)

Сборник текстов
для государственной итоговой аттестации
по русскому языку

XI (XII) классы

ЛУГАНСК
2019

Составители:

Вылиток С.В. – методист отдела методики преподавания учебных дисциплин Государственного учреждения дополнительного профессионального образования Луганской Народной Республики «Республиканский центр развития образования»;

Тимофеева И.В. – учитель-методист ГБОУ ЛНР «Антрацитовская общеобразовательная школа I-II ступеней №1-лицей»;

Волкова О.В. – учитель-методист ГУ ЛНР «Луганское общеобразовательное учреждение – специализированная школа №57 имени Г.С.Петрова».

Пояснительная записка

Государственная итоговая аттестация по русскому языку в XI (XII) классах является обязательной и **проводится письменно в форме сочинения-рассуждения по предложенному тексту.**

Выпускник должен продемонстрировать умение анализировать содержание и проблематику предложенного текста; комментировать проблему предложенного текста; определять позицию автора текста; выражать и аргументировать собственное мнение, опираясь в первую очередь на читательский опыт, а также на знания, жизненные наблюдения и общественный опыт (необходимо привести не менее двух аргументов); последовательно и логично излагать мысли; использовать в речи разнообразные грамматические формы и лексическое богатство языка; оформлять высказывания в соответствии с орфографическими, пунктуационными, грамматическими и речевыми нормами современного русского литературного языка.

Экзаменационное сочинение выполняется самостоятельно. Не допускается списывание сочинения (фрагментов сочинения) из какого-либо источника (работа другого учащегося, чужой текст, опубликованный в бумажном и (или) электронном виде, и др.).

Допускается прямое или косвенное цитирование с обязательной ссылкой на источник (ссылка дается в свободной форме). Объем цитирования не должен превышать собственный текст учащегося.

Объем сочинения – не менее 250 слов.

Продолжительность написания экзаменационного сочинения составляет 3 часа.

Оценивание сочинения-рассуждения по предложенному тексту

Оценивание сочинения-рассуждения по предложенному тексту осуществляется по 3-м критериям:

1. Соответствие работы структуре сочинения по предложенному тексту.
2. Содержание и речь.
3. Грамотность.

Оценка	Соответствие работы структуре сочинения по предложенному тексту	Содержание и речь	Грамотность
«5»	<p>1.Формулировка проблем предложенного текста. Правильно сформулирована одна из проблем предложенного текста. Фактических ошибок, связанных с пониманием и формулировкой проблемы, нет.</p> <p>2.Комментарий к сформулированной проблеме предложенного текста. Сформулированная проблема прокомментирована с опорой на предложенный текст. Приведен пример (цитата) из прочитанного текста, важный для понимания проблемы. Фактических ошибок, связанных с пониманием проблемы предложенного текста, в комментарии нет.</p> <p>3. Отражение позиции автора предложенного текста. Правильно сформулирована позиция автора (рассказчика) предложенного текста по прокомментированной проблеме. Фактических ошибок, связанных с пониманием позиции автора предложенного текста, нет.</p> <p>4. Отражение собственной позиции по проблеме, поднятой автором. Сформулирована собственная позиция по прокомментированной проблеме (согласие или несогласие с автором).</p> <p>5. Аргументация собственного мнения по проблеме. Выражено мнение по сформулированной</p>	<p>Содержание излагается последовательно. Работа отличается богатством словаря, разнообразием используемых синтаксических конструкций, точностью словоупотребления.</p> <p>Достигнуто стилевое единство и выразительность текста. В целом в работе допускается 1 недочет в содержании и 1-2 речевых недочета.</p>	<p>Допускается: 1 орфографическая или 1 пунктуационная и 1 грамматическая ошибка.</p>

	<p>проблеме, поставленной автором текста (согласие или несогласие с позицией автора), представлена его аргументация (приведено не менее 1-го аргумента из художественной, публицистической или научной литературы; второй аргумент опирается на исторические события, факты из жизни известных людей и пр.)</p> <p>*Если приведен только один пример из литературы, который глубоко аргументирует высказанное мнение, оценка по данному критерию не снижается.</p>		
«4»	<p>Отсутствует 1 из 5 позиций, кроме первой: правильно не сформулирована ни одна из проблем предложенного текста.</p> <p><i>В таком случае по этому критерию выставляется 0 баллов.</i></p>	<p>В содержании имеются единичные фактические неточности, незначительные нарушения последовательности в изложении мыслей. Лексический и грамматический строй речи достаточно разнообразен. Стил ь работы отличается единством и достаточной выразительностью. В целом в работе допускается не более 2 недочетов в содержании и не более 3-4 речевых недочетов.</p>	<p>Допускается: 2 орфографические и 2 пунктуационные ошибки, или 1 орфографическая и 3 пунктуационные ошибки, или 4 пунктуационные ошибки при отсутствии орфографических ошибок, а также 2 грамматические ошибки.</p>
«3»	<p>Отсутствует 2 из 5 позиций, кроме первой.</p>	<p>Допущены отдельные нарушения последовательности изложения. Беден словарь и однообразны синтаксические конструкции, встречается неправильное словоупотребление. Стил ь работы не отличается единством, речь недостаточно выразительна. В целом в работе допускается не более 4 недочетов в содержании и 5 речевых недочетов.</p>	<p>Допускается: 4 орфографических и 4 пунктуационные ошибки, или 3 орфографических и 5 пунктуационных ошибок; 2 орфографические и 6 пунктуационных ошибок; 1 орфографическая и 7 пунктуационных ошибок;</p>

			8 пунктуационных ошибок при отсутствии орфографических, а также 4 грамматические ошибки.
«2»	Отсутствует 3 из 5 позиций, кроме первой.	Нарушена последовательность изложения мыслей во всех частях работы, отсутствует связь между ними, работа не соответствует плану. Крайне беден словарь, работа написана короткими однотипными предложениями со слабо выраженной связью между ними, часты случаи неправильного словоупотребления. Нарушено стилевое единство текста. В целом в работе допущено 6 недочетов в содержании и до 7 речевых недочетов.	Допускается: 7 орфографических и 7 пунктуационных ошибок, или 8 орфографических и 6 пунктуационных ошибок; 6 орфографических и 8 пунктуационных ошибок; 5 орфографических и 9 пунктуационных ошибок; 4 орфографических и 10 пунктуационных ошибок; 3 орфографические и 11 пунктуационных ошибок; 2 орфографические и 12 пунктуационных ошибок, 1 орфографическая и 13 пунктуационных ошибок; 14 пунктуационных ошибок при отсутствии орфографических, а также 7 грамматических ошибок.

«1»	Отсутствует 4 из 5 позиций, кроме первой.	В работе допущено более 6 недочетов в содержании и более 7 речевых недочетов.	Имеется 8 и более орфографических и 7 и более пунктуационных ошибок, а также 7 и более грамматических ошибок.
-----	---	---	---

Итоговая оценка за работу выставляется с учетом всех 3-х критериев.

Например:

оценка за соответствие структуре сочинения по предложенному тексту – 4;

оценка содержание и речь – 5;

оценка за грамотность – 4.

Запись учителя в работе выглядит следующим образом:

СС: 1-0-1-1-0 «3»

СР: 0-0 «5»

I-V-Г: 1-0-1 «5»

$$«3» + «5» + «5» = 13 : 3 = 4.3 = 4$$

Итоговая оценка: «4»

Оценка заверяется подписью председателя и всех членов комиссии.

Председатель аттестационной комиссии _____ инициалы, фамилия

Члены комиссии: _____ инициалы, фамилия

_____ инициалы, фамилия

На работы, оцененные на «2» и «5», пишутся рецензии, которые заверяет только учитель.

ТЕКСТЫ

1. В здоровом теле здоровый дух

Успех в жизни каждого прямо зависит от состояния здоровья. Это все нам с детства пытаются внушить все вокруг. Повзрослев, мы понимаем о пользе здорового образа жизни, но, как всегда, начинаем его «с понедельника». Надо что-то срочно менять! Мы не будем вас убеждать в пользе здорового образа жизни. За нас это сделают известные, успешные и мудрые люди. Нас приучили, а мы с удовольствием это восприняли, что нам все должны и мы все от всех хотим получить. Это неправильно. Уже давным-давно весь цивилизованный мир понял простую вещь: здоровье человека находится, прежде всего, в его собственных руках. Мы же до сих пор думаем, что здоровье нам кто-то даст, принесет на блюде с голубой каемочкой. Это большое заблуждение. Кто в этом виноват? Мы сами.

Человеку нужна жизнь не просто долгая, а обязательно плодотворная и созидательная. Постоянный, пусть даже очень напряженный труд, – одно из обязательных условий долголетия. Существует известный общебиологический закон – старение меньше всего поражает тот орган или систему, которые более интенсивно функционируют. Для нормального самообновления биологических структур нужно, чтобы они интенсивно функционировали, это касается и головного мозга. Всякая работа, требующая участия мозга, улучшает, поддерживает его функции.

Исследования последнего времени убедительно показывают, что у людей пожилого возраста, головной мозг которых находится в активном состоянии, не снижаются умственные способности, имеющие решающее значение для активной жизни. Систематическая умственная деятельность, особенно творческая, тренирует мозг, поддерживает его в работоспособном состоянии до самого преклонного возраста. Кроме того, любая творческая деятельность отвлекает от скорбных мыслей о старости и неизбежности завершения жизненного пути. Поэтому люди интеллектуального труда, например, ученые, писатели, артисты, художники, очень часто до глубокой старости сохраняют ясность ума и бодрость духа.

Большое значение для гармоничной и полноценной жизни имеет сочетание трудоспособности и трудолюбия. Во все времена большинство выдающихся людей были на редкость работоспособны и любили свой труд. Это подтверждается многочисленными примерами из истории и современности.

Древнегреческий драматург Софокл дожил до девяноста лет. Гениальное произведение «Царь Эдип» он создал в семидесятипятилетнем возрасте, а «Эдип в Колоне» – несколько лет спустя. Выдающийся немецкий мыслитель и поэт Гёте Иоганн Вольфганг завершил написание знаменитого «Фауста» в возрасте восьмидесяти трёх лет. Один из величайших художников всех времен и народов Тициан прожил долгую жизнь. До последних дней он не прекращал творить. Свое последнее гениальное полотно «Оплакивание Христа» Тициан написал для собственного надгробия. Художник скончался в возрасте ста трех лет. Творил до самой смерти и Пабло Пикассо - всемирно известный французский художник, основоположник кубизма. В возрасте восьмидесяти девяти лет он за год написал девять картин. Творить продолжал до самой смерти. На закате жизни он писал картины с утра до ночи. Экспертами и искусствоведами Пикассо признан самым выдающимся художником среди живших за последние сто лет. После себя он оставил около пятидесяти тысяч работ.

Учеными установлено, что у людей, не желающих стареть, т. е. интенсивно работающих до глубокой старости, продолжительность жизни не сокращается, а увеличивается.

(454 слова)

(По В. Андрианову)

2. Вечные духовные ценности

Бывают минуты в жизни людей, когда их тянет поговорить. Так было, видимо, и с моим собеседником. Лавируя в потоке машин, мчащихся по Садовому кольцу, он рассказывал о годах войны, о том, как его ранило под Минском, о фронтовых товарищах... Это были, в общем, обычные истории военного водителя.

И вдруг я насторожилась. И все, что мой собеседник сейчас рассказывал, стало впитываться в память. Вот его рассказ.

В конце войны, когда Советская Армия уже была на подступах к Берлину, мой собеседник, Иван Антонович Соколов, за рулем военной грузовой машины ехал по шоссе. Вдоль дороги, по обочине, тянулся поток беженцев. Затормозив, Соколов увидел у крыла своей машины немку, которая держала за руку мальчика лет шести. Это была еще молодая женщина, но, видимо, измученная дорогой, бессонными ночами, страхом, недоеданием: лицо у нее было бледное, глаза глубоко запали, одежда казалась грязной и измятой. Таким же худым и измученным выглядел мальчик.

В ту пору сынишке Соколова, живущему с матерью в Москве, было столько же лет, сколько этому немецкому мальчугану. Соколов долго молча смотрел на мальчика: многое прошло в эту минуту перед его глазами. Женщина, оцепенев, со страхом глядела на сидящего в машине русского солдата. Неожиданно русский солдат высунулся из машины, схватил мальчика и посадил рядом с собой. Немка помертвела от ужаса. Когда она увидела, что Соколов, порывшись в вещевом мешке, вынул большой нож, лицо ее исказилось, она заметалась, прижала обе руки ко рту, сдерживая крик. Но советский солдат вслед за ножом вынул из мешка большой кусок сала и буханку хлеба. Отрезав толстый ломоть сала, он положил его на хлеб и дал ребенку. Мальчуган тотчас же вцепился в сало, как мышонок.

— И тут я ей сказал... – задумчиво проговорил мой собеседник. – Чего пугаешься? Раньше надо было пугаться, когда твой муж воевать с нами пошел, совесть свою Гитлеру продал! А сейчас бояться нечего: советский солдат ребенка не обидит. Немецкого языка я не знаю, – продолжал он. – Да и она по-русски ни бум-бум. Но понять меня – поняла. Вот только не знаю – запомнила ли...

А запомнить ей надо было, навсегда запомнить. – Он почесал подбородок. – Отдал я ей мальчишку, отъехал от перекрестка, вижу: стоит мальчуган, мое сало жует, второй ломоть сала в другой руке держит. А мать на него смотрит. Смотрит и плачет.

...В это время мы подъехали к редакции. Соколов остановил машину. Но я не выходила. Раздумывала над историей, которую он рассказал. Он молчал и только курил. Молчала и я. Молчала и думала о его поступке.

Нет, это не была сладенькая доброта «всепрощения». Солдат, прошедший дороги войны, видевший своими глазами раны, нанесенные Родине врагом, проливший свою кровь, потерявший на войне многих товарищей, – помнил все, он ничего не простил. Но он думал не о мести за прошлое, а о мирной жизни в будущем. Это была подлинная гуманность, истинное великодушие мужественного, сильного, чистого человека.

(450 слов)

(По Т. Тэсс)

Татьяна Тэсс (1906-1983) – советская писательница, журналистка и публицистка, многолетняя сотрудница газеты «Известия». Закончила Одесскую консерваторию по классу рояля. Автор очерков, рассказов, документальных книг и повестей, публицист.

3. Врожденное чувство природы

Для одних лес – это всего лишь деревья и дрова. Если нет грибов или ягод, в лесу им скучно. Для других лес – это мир, полный тайн, красоты, мир, где человека покидают болячки телесные, душевные, где понятие «радость жизни» вдруг становится почти осязаемым. Один мой спутник, когда мы вышли однажды вечером на лесную опушку, вдруг прислонился щекою к дереву и застыл. На глазах слезы. «Ты что?» – «От радости, что вижу все это...».

Люди по-разному выражают свои чувства ко всему, что мы называем природой. У одних выражение этого чувства буднично-грубоватое: «Красотища-то!» Другие в эти минуты боятся обронить слово. И есть люди, душевный инструмент которых особо чутко воспринимает нахлынувшие чувства и исторгает их позже так, что дрогнут струны другой души. В русской литературе, живописи и музыке можно назвать много имён творцов, обладавших этим великим даром: Чайковский, Левитан, Фет, Тютчев, Бунин. Есенин, Пришвин, Паустовский.

Лев Толстой был способен заплакать от радости ощущения жизни. Он говорил: «Счастье – это быть с природой, видеть ее, говорить с ней». Если это так, то как же сделать человека счастливым, сознавая при этом, что в понимание счастья входит многое другое?

Чувство природы врождённое. И есть оно у каждого человека. Но чувство это спит. Кто разбудит его в раннем детстве? Сможет ли это сделать школьный учебник? Вряд ли. Но может это сделать умный, чуткий учитель. Этим учителем неожиданно может стать кто угодно – отец, мать (у Горького – бабушка), сельский пастух, охотник, всякий, кто сам был кем-то разбужен. Сильным толчком может стать хорошая, вовремя прочитанная книжка. Когда мне было лет десять, чья-то заботливая рука подложила мне томик Сетон Томпсона «Животные-герои». Я считаю её своим «будильником». Благодарность за «пробуждение» я должен сказать и матери, с которой ходил за грибами, и отцу, с которым заготавливал дрова. С благодарностью вспоминаю речку, на которой мы ребятами пропадали с утра до ночи.

От других людей знаю, что для них «будильником» чувства природы были месяц, проведённый летом в деревне, прогулка в лес с человеком, который «на всё открыл глаза», первое путешествие с рюкзаком, с ночёвкой в лесу... Нет нужды перечислять всё, что может разбудить в человеческом детстве интерес и благоговейное отношение к великому таинству жизни. Конечно, нужны и учебники. Вырастая, человек умом постигать должен, как сложно всё в живом мире переплетено, взаимосвязано, как этот мир прочен и вместе с тем уязвим, как всё в нашей жизни зависит от богатства земли, от здоровья живой природы. Эта школа должна обязательно быть.

В начале всего стоит Любовь. Вовремя разбуженная, познание мира она делает интересным и увлекательным. С нею человек обретает и некую точку опоры, важную точку отсчёта всех ценностей жизни. Любовь ко всему, что зеленеет, дышит, издаёт звуки, сверкает красками, – и есть любовь, по мысли яснополянского мудреца, приближающая человека к счастью.

(439 слов)

(По В. Пескову)

Василий Михайлович Песков (1930-2013) – советский писатель, журналист и фотокорреспондент, тележурналист. Ведущий программы «В мире животных», путешественник.

4. Для чего рождается человек?

Человек рождается не для того, чтобы бесследно исчезнуть никому не известной пылинкой, а для того, чтобы оставить по себе след – вечный. Он оставляет себя в человеке. В этом наше бессмертие. Мы живем для того, чтобы запечатлеть себя в сыне или дочери, чтобы жить в их страстях и труде. В этом высшее счастье и смысл жизни. Хочешь остаться в сердце человеческом – воспитай своих детей. Воспитание человека – важнейший общественный долг.

От того, насколько отчетливо видит человек в отцовстве и материнстве высший смысл своего бытия, зависит его нравственный облик. Важная воспитательная миссия заключается в том, чтобы человек, которого мы творим, отвечал не только за свое сегодняшнее поведение, но и за будущее, а будущее – это ум, чувства, убеждения живого человека, корни которого закладываются в настоящем.

Маленький человек должен научиться видеть жизнь, чтобы видеть себя. Видеть человека, понимать и чувствовать в нем красоту, восторгаться и изумляться ею, соотносить себя с увиденным и понятным. Собираясь в далекий жизненный путь, необходимо помнить, что надо взять с собой как можно больше богатств из отрочества и юности – эти богатства нужны для созидания Человека. Перед вами солнце вашего пленительного дня – оно только поднялось над горизонтом, его путь еще впереди. Вам пахать землю и строить дома, возводить мосты, радоваться прилету птиц из теплого края и тревожиться о судьбе нежной былинки – зеленого ростка пшеницы, идти в далекие походы и стрелять по врагу, если он вздумает нарушить священные рубежи нашей Родины.

Есть народная сказка о Человеке-Пустоцвете. Любил этот человек петь, веселиться, не мог он долго задерживаться на одном месте – все время переезжал с зеленой нивы в цветущий луг, с цветущего луга в тенистую рощу. И вот родился у него сын. Повесил Человек-Пустоцвет колыбельку на дубовую ветку и сидит, поёт. А сын не по дням, а по часам растет. Выпрыгнул из колыбельки, подошел к отцу и говорит:

— Отец, покажите мне, что вы сделали собственными руками? Удивился отец таким мудрым речам сына, улыбнулся. Подумал, что же показать сыну? Ждет сын, а отец молчит, и петь перестал. Смотрит сын на высокий дуб и спрашивает:

— Может быть, это вы посадили дуб? Наклонил голову отец, молчит. Повел сын отца в поле, смотрит на полный колос пшеницы, спрашивает:

— Может быть, это вы вырастили колос? Еще ниже наклонил отец голову, молчит. Пришли сын с отцом к глубокому пруду, смотрит сын на синее небо, отразившееся в воде, и говорит:

— Отец, скажите мудрое слово...

А Человек-Пустоцвет не только руками ничего не может делать, но и слова мудрого сказать не умеет. Еще ниже наклонил голову и молчит... Так и превратился он в траву-пустоцвет. Цветет она с весны до осени, а ни плодов, ни семени не дает.

Как величайшего горя, бойтесь войти в жизнь пустоцветом. Вам стыдно будет перед сыном, перед дочерью, перед людьми за бесследно прожитую жизнь

Страшно от мысли, что такое может быть: ходит по земле старый, как будто заслуживающий уважения человек, но оказывается, никто не знает, кто этот человек, и не заслуживает он ни уважения, ни памяти.

(478 слов)

(По В. Сухомлинскому)

Василий Александрович Сухомли́нский (1918-1970) – выдающийся советский педагог-новатор, писатель. Член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, кандидат педагогических наук, заслуженный учитель школы, Герой Социалистического Труда. Автор около 30 книг и свыше 500 статей, посвящённых воспитанию и обучению молодёжи. Книга его жизни – «Сердце отдаю детям».

5. Духовные ценности русской классической литературы

Список книг, которые мы читаем к урокам литературы, огромен. И нужно понять, почувствовать, увидеть и художественные особенности, и своеобразие героев, и авторскую позицию, и иное бесконечное в своем разнообразии множество явлений, именуемое книгой. А все они такие разные! Как принять все это многообразие, как увидеть самое важное, то, что делает эти столь различные произведения литературой, той самой великой русской литературой, которая составляет нашу гордость и нашу надежду?

Попробуем определить, какие же ценности русская классическая литература считала и естественными, и вечными.

Литература в России – основа духовной жизни общества, писатель – это не профессия, а великое служение, это пророк и мученик. Об этом прекрасно сказал Пушкин в стихотворении «Пророк». Образ поэта-пророка, ориентированный на библейский источник, был выражением того, как не только Пушкин, но и вся русская литература воспринимает долг художника. В стихотворении совмещаются три главные идеи: святость поэтического слова, долг поэта говорить истину и народу, и владыке, готовность на самопожертвование, потому что только такой ценой дается право на проповедь.

«Вначале было слово ...» – эту истину повторяли русские писатели, и Гоголь мечтал о такой книге, которая одна, в силу высказанных в ней мыслей, перевернет и преобразует Россию. Эта вера в силу слова давала огромную мощь русской литературе. Писатель подхватил библейское: «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом Божиим». Именно русская литература почувствовала, как это емко и глубоко. Жив человек – то есть живет, проявляет себя как личность. Жив человек – изменим логическое ударение, и мы почувствуем, как это важно: именно человек, потому что скотине достаточно хлеба, корма, и лишь человеку, личности одного хлеба мало. Словом Божиим – именно так, словом истины. Пушкин удивительно точно выразил эту мысль: «Веленью Божию, о муза, будь послушна».

Это восприятие мира как мира Божьего вело к тому, что русская литература стремилась к великой гармонии, поэтому русский реализм полон доверия к этому миру и его сокровенному смыслу. В том, что этот смысл существует, русский писатель не сомневался, и даже если он мучился из-за того, что этот замысел Божий ему непонятен или даже враждебен, то это не заставляет его усомниться в особых, сверхличностных ценностях, причем эти ценности никогда не были материальными. Русская литература смысл своего существования видела в поддержании духовного огня в сердцах человеческих. В России не было героя, замыкающего ценности мира на себе. Гринёв, Онегин, Печорин, Базаров, князь Болконский – как жадно ищут они – ...что? Денег, чинов, званий? Они без конца мучают себя, чтобы понять свое предназначение, свое место в жизни, свой путь в этом мире Божьем. Наша литература словно вооружилась словом Нагорной проповеди: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе...» В этой заповеди – суть русской культуры, ставящей на первое место духовный поиск.

И наша великая литература высветила это борение духа, открыв читателю такие терзания совести, такие бездны душевных мук, которые были недоступны западной литературе. Нет, не потому что человек запада хуже, ниже, просто мы другие.

(472 слова)

(По А.В. Сажину)

6. Жить не во лжи

Достоевский загадочно обронил однажды: «Мир спасет красота». Что это? Мне долго казалось – просто фраза. Как бы это возможно? Когда в кровавой истории кого и от чего спасала красота? Облагораживала, возвышала – да, но кого спасла?

Однако есть такая особенность в сути красоты, особенность в положении искусства: убедительность истинно художественного произведения совершенно неопровержима и подчиняет себе даже противящееся сердце. Политическую речь, напористую публицистику, программу социальной жизни, философскую систему можно построить гладко, стройно и на ошибке, и на лжи; и что скрыто, и что искажено – увидится не сразу. А выйдет на спор противонаправленная речь, публицистика, программа, иноструктурная философия, – и все опять так же стройно и гладко, и опять сошлось. Оттого доверие к ним есть – и доверия нет.

Попусту твердится, что к сердцу не ложится.

Произведение же художественное свою проверку несет само в себе: концепции придуманные, натянутые не выдерживают испытания на образах: разваливаются и те и другие, оказываются хилы, бледны, никого не убеждают. Произведения же, зачерпнувшие истины и представившие нам ее сгущенноживой, захватывают нас, приобщают к себе властно, – и никто, никогда, даже через века, не явится их опровергать. Так может быть, это старое триединство Истины, Добра и Красоты – не просто парадная обветшалая формула, как казалось нам в пору нашей самонадеянной материалистической юности? Если вершины этих трех деревьев сходятся, как утверждали исследователи, но слишком явные, слишком прямые поросли Истины и Добра задавлены, срублены, не пропускаются, – то может быть причудливые, непредсказуемые, неожиданные поросли Красоты пробьются и взвоятся в то же самое место, и так выполнят работу за всех трех? И тогда не обмолвкой, но пророчеством написано у Достоевского: «Мир спасет красота»? Ведь ему дано было многое видеть, озаряло его удивительно.

И тогда искусство, литература могут на деле помочь сегодняшнему миру?

Скажут нам: что же может литература против безжалостного натиска открытого насилия? А не забудем, что насилие не живет одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью. Между ними самая родственная, самая природная глубокая связь: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом.

Рождаясь, насилие действует открыто и даже гордится собой. Но едва оно укрепится, утвердится, – оно ощущает разрежение воздуха вокруг себя и не может существовать дальше иначе, как затуманиваясь в ложь, прикрываясь ее сладкоречием. И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть это приходит в мир и даже царит в мире – но не через меня. Писателям же и художникам доступно больше: победить ложь! Уж в борьбе-то с ложью искусство всегда побеждало, всегда побеждает! – зримо, неопровержимо для всех! Против многого в мире может выстоять ложь, но только не против искусства. А едва развеяна будет ложь – отвратительно откроется нагота насилия – и насилие дряхлое падет.

Вот почему я думаю, друзья, что мы способны помочь миру в его раскаленный час. Не отнекиваться безоружностью, не отдаваться беспечной жизни, но выйти на бой! В русском языке излюблены пословицы о правде. Они настойчиво выражают немалый тяжелый народный опыт, и иногда поразительно: одно слово правды весь мир перетянет.

(494 слова)

(По А. Солженицыну)

Александр Исаевич Солженицын (1918-2008) – русский писатель, драматург, публицист, поэт, общественный и политический деятель, живший и работавший в СССР, Швейцарии, США и России. Лауреат Нобелевской премии по литературе.

7. Земля – колыбель человека

Земля, какая она?

Земля рождает прозрачные ручьи и потоки. Миллионы стеблей и колосьев. Носит на себе океаны. Облака и их тени. Раскрывается жерлами дымных вулканов. Пускает птиц в небеса, быстроногое зверье по всем лесам. Качает на себе города, железные и бетонные башни. Выбрасывает всплески уносящихся ввысь ракет.

Земля принимает в себя все дожди, снега и туманы, мохнатые семена и гладкие зерна. За каждым среднерусским селом дорогие могилы родных и близких, неведомых странников, защитников русской земли.

Все говорят: земля, а каждый видит и понимает свое.

Для космонавта, среди звезд и созвездий, – она планета. Для моряка – она берег. Для геолога – твердь, хранящая руды и нефть, голубой газ. Для солдата – она образ Родины, ее просторов, та ценность, которую он защищает, та сила, которая питает его. Для хлебопашца земля – это то, во что он вкладывает пот и любовь, от которой ждет плодородного хлебного дара. Так что же она, Земля?

Земля всегда увлекала человека своим вечным возрождением, круговоротом весен и зим, беспредельностью своих горизонтов. Ему хотелось заглянуть: что же там, за зарей, за соседним лесом и лугом? И он собирался в путь, отправлялся на новые земли – за тридевять известных, в тридешатую, неведомую. Стоял на краю земли, седой, постаревший в странствии.

Человек уносил за три моря в котомке горстку родной земли. И потом чужие люди ее высыпали ему в изголовье. Невидящие, уснувшие навеки глаза наполнялись родной землей. Человек стремится к земле, открывая ее, давая ей имена и названия, одушевляя ее, он бьется за нее как за высшую святыню и ценность.

Современная цивилизация осуществляет невиданное давление на природу. В своем «триумфальном» шествии люди часто оставляют после себя покрытые солончаками, затопленные болотами, изрытые карьерами, непригодные для жилья и хозяйствования территории.

Сегодня прогресс со всей остротой поставил проблему взаимодействия человека с землей. На наших глазах происходят могучие людские деяния, направленные на овладение землей.

Земля умирает, если ее убивать. Земля оживает, если ее возродить. Смысл сегодняшней деятельности в том, чтобы давать земле посильные нагрузки. Беря от нее, давать ей. Нанося раны, лечить. Терриконы, превращенные в шумящие лесом горы. Карьеры, поросшие рощами, хлебными нивами, с чистыми ручьями. Цивилизация не означает вечного конфликта с землей.

Горожане, отошедшие от земли и природы, словно прозревая, начинают искать природу. Слышат то, чего не слышали прежде: шум ливня, свист ветра в деревьях, крик кукушек, журчание ручья. Видят то, что не видели прежде: форму трав и листвы, орнамент на крыле бабочки, блески слюды в придорожном камне, восход луны и солнца, чистый блеск звезд. Ловят ароматы ржаных полей, талых сугробов, прелых, сбитых ливнями листьев.

Люди идут к земле, вооруженные новым восприятием, опытом прежних горьких ошибок, тонким пониманием себя и природы. Куда бы ни полетел человек, он всегда будет с нею, с праматерью, его породившей, со своей колыбелью – любимой навеки землей.

(453 слова)

(По. А. Захлебному)

Захлебный Анатолий Никифорович – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования; главный редактор научно-методического журнала «Экологическое образование: до школы, в школе, вне школы».

8. Знания и прогресс

В те отдалённые прежние времена приблизительно на том же уровне распада цивилизаций, какой мы наблюдаем сейчас, суровые обличающие пророки зарождались в народах, и потом босые, простоволосые идеи разгневанно, с мечом и факелом в руках, врывались в действительность, чтобы произвести необходимую санитарную чистку. Природа слишком много потратила надежд и усилий на человека, чтобы так запросто и по-собачьи дать ему умереть. Последний век машина цивилизации работала на критических скоростях с риском смертельной перегрузки. Всё сильнее обжигала дыхание взвешенная в воздухе пыль нравственного износа.

Казалось бы, у наших современников нет оснований для особого пессимизма. Ведь всё так планомерно движется вокруг. Прогресс находится в добром здравии и рвётся вперёд на всём скаку. Сверкают переполненные товарами витрины, по улицам движутся потоки прохожих, туристов, всяких наисовременнейших автомобилей. Воздушные лайнеры за сутки преодолевают расстояния, на которые Марко Поло и Афанасию Никитину потребовалось по три года. Весь мир оклеен увлекательными афишами, призывающими с помощью разных средств незаметно скоротать скуку жизни. Музеев уже не хватает для передовых произведений искусства, а пытливые науки с чрезвычайным коэффициентом полезного действия прощупывают окружающую неизвестность, дабы извлечь оттуда пользу для дальнейших удовольствий. У каждого в руках диковинные приборы, позволяющие общаться чуть ли не с Северным полюсом, которые навели бы ужас на наших ничего не смысливших в технике предков.

Но посмотрите, как дрожат стрелки манометров, определяющих духовное благополучие в мире, как стелется горелый чад от перегретых под ногами, перенапряжённых проводов, как обжигает лицо не в меру раскалённый воздух, какие подозрительные гулы ползут по земле не только от пробуждения материков или зарождения новаторских идей, но и ещё от чего-то... Нечто подобное испытываешь во сне, когда, подкравшись к двери, слышишь за нею скрытное, затаившееся дыхание какого-то неопишуемого существа, которое только и ждёт момента вставить колено, чуть приоткроется малая щёлка, и ворваться к тебе в тёплое, обжитое жильё. Такое впечатление, что человечество приблизилось к финалу отпущенной ему скромной вечности. А наука, с разбегу пробившись сквозь нулевую фазу времени и физического бытия, ворвётся в иное, ещё не освоенное математическое пространство с переносом туда интеллектуальной столицы мироздания. Очевидный теперь крах вчерашней эры завершится неминуемым пересмотром печально не оправдавшей себя парности Добра и Зла.

Но если в мире, где подразумеваемое нечто глубокомысленно переливается из пустого в порожнее, эволюция осуществляет единственно осмысленное стремление к высшему совершенству, тогда что же является ее двигателем — соревнованье с божеством, ностальгическая тяга к вратам рая или нынешняя, во главу угла поставленная коммунальная услуга расплодившихся землян? Меж тем, сзади напирает беспечная, с несметными обозами цивилизации лавина человечества, и вот уж заканчивается отпущенный на раздумье лимитный срок. Именно тою, на полстолетия затянувшейся долькой космического мгновенья и датируется стоянка мира над бездной.

Знание помогает заглянуть в бездну, но не содержит указаний, как не сорваться в неё. Самый же прогресс следует уподобить горению бикфордова шнура: счастье наше в том и состоит, что не видно, как мало осталось до заряда.

(458 слов)

(По Л.М. Леонову)

Леонид Максимович Леонов (1899-1994) – русский советский писатель.

9. Искусство

Искусство скорее и охотнее раскрывается тому, кто сам отдаёт ему силы, раздумья, время, внимание. Рано или поздно каждый может почувствовать, что он среди знакомых и друзей в неравном положении. Их, например, интересует музыка или живопись, а для него они – книги за семью печатями.

Когда я стал студентом Института истории, философии и литературы, многое связало меня сразу с новыми товарищами. Мы серьёзно занимались литературой, историей, языками. Многие из нас пробовали писать сами. Словно предчувствуя, каким недолгим будет наше студенчество, спешили успеть как можно больше. Не только слушали лекции на своих курсах, но и ходили на лекции, читавшиеся старшекурсникам. Успевали на семинары молодых прозаиков и критиков. Старались не пропускать театральные премьеры и литературные вечера. Как мы всё успевали, не знаю, но успевали. Меня приняли в свою среду студенты, которые были на курс старше нашего. Интереснейшая то была компания. Я старался не отставать от неё, и мне это удавалось. За одним исключением. Мои новые товарищи горячо интересовались музыкой. У одного из нас была большая по тем временам редкость: радиола с устройством для переворачивания пластинок – долгоиграющих тогда ещё не было, – которая позволяла прослушать целую симфонию, концерт или оперу без перерывов. И коллекция камерной, оперной и симфонической музыки. Когда начиналась эта неперемнная часть нашего вечера, товарищи слушали и наслаждались, а я скучал, томился, мучился: музыки я не понимал, и радости она мне не доставляла. Конечно, можно было притвориться, прикинуться, придать лицу подобающее выражение, проговорить вслед за всеми: «Прекрасно!» Но притворяться, изображать чувства, которых не испытываешь, у нас было не в обычае. Я забивался в угол и страдал, чувствуя себя выключенным из того, что так много значит для моих товарищей.

Хорошо помню, как произошёл перелом. Зимой 1940 года был объявлен авторский вечер тогда ещё молодого Д. Д. Шостаковича – первое исполнение его фортепианного квинтета. Друзья взяли билет и мне. Вручали его торжественно. Я понял: то, что предстоит, – событие! Не стану утверждать, что я в тот вечер сразу и навсегда излечился от невосприимчивости к музыке. Но поворот – решительный и важный – произошёл. Как я благодарен своим друзьям тех давних лет, что они не махнули рукой, не исключили из слушания музыки – а ведь и исключать не нужно было, при тогдашнем по-юношески ранимом самолюбии хватило бы иронической реплики, чтобы я почувствовал себя среди них, понимающих и знающих, лишним.

Этого не случилось. Прошло много лет. Уже давно серьёзная музыка для меня – необходимость, потребность, счастье. А ведь можно было — навсегда и непоправимо – разминуться с ней. И обездолить себя. Этого не случилось. Во-первых, я не встал в позу человека, который, не понимая чего-нибудь, говорит вслух или мысленно: «Ну и не надо!» И потому, что не захотел притворяться, делая вид, что понимаю, когда ещё был очень далёк от этого. А больше всего – благодаря моим друзьям. Им мало было наслаждаться самим.

Им хотелось и меня приобщить к своему пониманию, к своей радости. И это им удалось!

(460 слов)

(По С. Львову)

Сергей Львович Львов (1922-1981) – русский советский писатель, журналист, литературный критик.

10. Историю делают люди

Аркадий Кириллович не доглядел трагедию до конца, позже узнал — какой-то немец на костылях с криком кинулся из толпы в огонь, его бросился спасать солдат-татарин. Горящие стены обрушились, похоронили обоих.

В каждом нерастраченные запасы человечности. Историю делают люди.

Бывший гвардии капитан стал учителем и одновременно кончал заочно пединститут.

Школьные программы ему внушали: ученик должен знать биографии писателей, их лучшие произведения, идейную направленность, должен уметь по заданному трафарету определять литературные образы — народен, реакционен, из числа лишних людей... И кто на кого влиял, кто о ком как отзывался, кто представитель романтизма, а кто критического реализма... Одно не учитывали программы — литература-то показывает человеческие отношения, где благородство сталкивается с подлостью, честность со лживостью, великодушие с коварством, нравственность противостоит безнравственности. Отобранный и сохраненный опыт человеческого общежития!

Ты возмутился хозяйкой Ваньки Жукова, жалующегося в письме к деду: «Взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать». Но не странно ли — ты совсем не возмущаешься, когда знакомый старшеклассник просто так, походя, ради удовольствия отпускает затрещину пробегающему мимо малышу. Сильный на твоих глазах обижает слабого потому только, что он сильный. Достойный ли ты человек, если относишься к этому равнодушно?

Вы прочитали роман Толстого «Воскресение», давайте пофантазируем: что, если бы Нехлюдов от внутренней трусости или стыда отвернулся от Кати Масловой? Как бы он жил дальше? Женился? Обзавелся семьей? Был бы спокоен?..

Литература помогла Аркадию Кирилловичу завязать в школе сложное соперничество за достоинство: кто чувствовал в себе силу, выискивал случай кинуться на защиту слабого; слабый гордился собой, если мог сказать нелестную правду в глаза сильному; невиновный сносил наказание за чужие грехи молча, но горе тому, кто трусливо допустит, чтоб за его вину наказали другого...

Во всем этом, да, было много игры и много показного. Но можно ли сомневаться, что со временем у детей показное благородство не станет привычкой, а игра — жизнью? В последние годы даже инспектора гороно публично отмечали — ученик сто двадцать пятой школы своим поведением завидно отличался от учеников других школ.

Аркадий Кириллович верил, что от него идут в большую жизнь духовно красивые люди, не способные ни сами обижать других, ни мириться с обидчиками, не терпящие подлости и обмана, сознающие свое моральное превосходство. И те, с кем будут они сталкиваться, невольно начнут оглядываться на себя. В любом человеке таятся запасы человечности. Аркадий Кириллович ни на минуту не забывал перемешанную толпу бывших врагов перед горящим госпиталем, толпу, охваченную общим страданием. И безызвестного солдата, кинувшегося спасать недавнего врага, тоже помнил. Он верил — каждый из его учеников станет запалом, взрывающим вокруг себя лед недоброжелательства и равнодушия, освобождающим нравственные силы. Историю делают люди. Он, Аркадий Кириллович Памятнов, рядовой педагог, вносит в историю свой скромный вклад...

Он верил сам и заставлял верить других. К нему тянулись, к его слову прислушивались, его совета искали не только ученики, но и их родители.

(440 слов)

(По В. Тендрякову)

Владимир Фёдорович Тендряков (1923-1984) – русский советский писатель, автор остроконфликтных повестей о духовно-нравственных проблемах современной ему жизни, острых проблемах советского общества, о жизни в деревне.

11. Каждый выбирает по себе

Как время меняет людей! Неузнаваемо! Порою это даже не изменения, а настоящие метаморфозы! В детстве была принцесса, повзрослела – превратилась в пиранью. А бывает наоборот: в школе – серая мышка, незаметная, невидная, а потом на тебе – Елена Прекрасная. Почему так бывает? Кажется, Левитанский писал, что каждый выбирает себе женщину, религию, дорогу... Только не ясно: действительно ли человек сам выбирает для себя дорогу или какая-то сила толкает его на тот или иной путь? На самом ли деле наша жизнь изначально предначертана свыше: рождённый ползать летать не может?.. Или всё дело в нас: ползаем мы потому, что не захотели напрягать свои крылья? Не знаю! В жизни полным-полно примеров как в пользу одного мнения, так и в защиту другого.

Выбирай, что хочешь?..

Максима Любавина мы в школе называли Эйнштейном. Правда, внешне он нисколько не походил на великого учёного, но зато имел все замашки гениев: был рассеян, задумчив, в его голове всегда бурлил сложный мыслительный процесс, совершались какие-то открытия, и это часто приводило к тому, что он, как шутили одноклассники, был не в адеквате. Спросят, бывало, его на биологии, а он, оказывается, в это время каким-то мудрёным способом рассчитывал излучение каких-то там нуклидов. Выйдет к доске, начнёт писать непонятные формулы.

На дискотеки, классные вечера он носу не показывал. Ни с кем не дружил, так – приятельствовал. Книги, компьютер – вот его верные товарищи-братья. Мы между собой шутили: запомните хорошенько, как одевался Максим Любавин, где он сидел. А лет через десять, когда ему вручат Нобелевскую премию, сюда понаедут журналисты, хоть будет что про своего великого одноклассника рассказать.

После школы Макс поступил в университет. Блестяще окончил его... А потом наши дороги разошлись. Я стал военным, надолго уехал из родного города, обзавёлся семьей. Жизнь у военного бурная: только соберёшься в отпуск – какое-нибудь ЧП... Но вот всё же удалось с женой и двумя дочками вырваться на родину. На вокзале сговорились с частником, и он повёз нас на своей машине до родительского дома.

– Тольк, ты меня не узнал что ли? – вдруг спросил водитель. Я изумлённо посмотрел на него. Высокий, костистый мужчина, жидкие усики, очки, шрам на щеке... Не знаю такого! Но голос, действительно, знакомый. Макс Любавин?! Да не может быть! Великий физик занимается частным извозом?

– Нет! Бери выше! – усмехнулся Макс. – Я грузчиком на оптовом рынке работаю...

По моему лицу он понял, что я счёл эти слова шуткой.

– Да нет! Просто я умею считать! У нас сахар мешками продают! Я вечером из каждого мешка грамм по триста-четыреста отсыплю... Знаешь, сколько в месяц выходит, если не жадничать? Сорок тысяч! Вот и прикинь, если бы я стал учёным, получал бы я такие деньги? На выходных можно извозом подкалымить, подвёз пару клиентов – ещё тысяча. На булочку с маслом хватает...

Он довольно засмеялся. Я покачал головой.

– Макс, а вот с сахаром – это не воровство?

– Нет! Бизнес! – ответил Макс.

Он довёз меня до дома. Я дал ему двести рублей, он вернул десятку сдачи и поехал искать новых клиентов.

– Вместе учились? – спросила жена.

– Это наш Эйнштейн! – сказал я ей. – Помнишь, я про него рассказывал!

– Эйнштейн?

– Только бывший! – с печальным вздохом произнёс я.

(490 слов)

(По С. Качалову)

Качалов Сергей Семенович – современный писатель-прозаик.

12. Книга – хранитель духовных ценностей

Можно ли без ощущения трагической утраты представить современный мир, лишенный печатного знака?

На мой взгляд, эта утрата была бы более невосполнимой, чем исчезновение в нашей жизни электрического света, ибо потерял бы важнейший механизм в передаче и научных знаний, и накопленных всеми эпохами чувств, а человеческий разум погрузился бы в пучину темноты и нравственного застоя. Мир стал бы удручающе обеднен, прервались бы нити от одного человека к другому, и, надо полагать, наступило бы время невежества, подозрительности и отчуждения.

В самом деле, что значит в жизни человека книга?

Подобно разговорному языку, книга не только средство общения людей, не только проводник информации, но самое главное – это инструмент проникновения в окружающую действительность, взгляд человека на самого себя как на разумную частицу природы.

Вместе с тем книга – это и констатация всех историй, и одновременно верная память человечества даже в том случае, если в ней рассказано не о мировых катаклизмах, решающих судьбу народов, а о проказах молодых людей эпохи Ренессанса, о похождениях рыцаря Печального Образа Дон-Кихота Ламанчского, о судьбе чиновника Башмачкина или о страданиях бедного станционного зрителя и других героев литературы.

Что знали бы мы о быте, нравах, устроении и характерах людей давно и не так давно ушедших эпох, если бы это прошлое не было сохранено в печатном знаке, способном волшебным образом восстановить биографию человечества во всех ее сложностях, поисках, заблуждениях, открытиях. Будущее рождается не только из настоящего, оно рождается и из прошлого, ведь наше современное сознание и наше отношение к настоящему – это результат всего опыта миллионов живших до нас.

Не будь возможности разумом и эмоциями пройти по дальним и ближним дорогам истории, скажем, по трагическому пути Спартака, по задымленной равнине Бородинского поля, по пропитанным кровью полям сорок первого года, мы оглядывались бы назад, будто в туман и пустоту.

Книга – это душеприказчик, безупречный хранитель духовных ценностей всех веков и всех народов, негаснущий источник света, посланный из детства человечества к нам, это сигнал и предупреждение, боль и страдание, смех и радость, жизнеутверждение и надежда, это символ превосходства силы духовной над силой материальной

Книга – познание развития мысли, философских течений, национально-исторических условий общества, породивших на разных этапах веру в добро, разум, просветительство, революционную борьбу под знаменами свободы, равенства и справедливости социальных отношений.

Человек, читающий книгу, всматривается во вторую жизнь, как в глубинную сферу зеркала, ища собственного героя, ответы на собственные мысли, невольно примеряя, скажем, чужую судьбу и чужое мужество к личным чертам характера, сожалея, сомневаясь, досадуя, смеясь. Плача, сочувствуя и сочувствуя, – и здесь начинается воздействие книги. Все это и есть «заражение чувствами», по выражению Льва Толстого.

В судьбе почти каждого печатное слово сыграло неповторимую роль, и величайшего сожаления достоин тот, кто не был в плену серьезной книги, – тем самым укоротил дни своей жизни, отринув вторую действительность, второй опыт, наконец.

(441 слово)

(По Ю. Бондареву)

Юрий Васильевич Бондарев (род. в 1924 г.) – русский советский писатель и сценарист. Участник Великой Отечественной войны. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и двух Государственных премий СССР.

13. Любовь к людям

Однажды на уроке биологии учительница рассказала, что во время Великой Отечественной войны работники одной лаборатории, умирая от голода, спасли выведенные в ходе долгих экспериментов новые сорта пшеницы.

После урока Димка Демьяненко громогласно заявил:

— Каким же чудовищем нужно быть, чтобы видеть, как родные с голоду пухнут, и беречь это элитное зерно! Оно что, дороже человеческой жизни?!

Победное самодовольство Димки задело самолюбие Вовки Нестерова, который никогда не упускал случая противопоставить свой живой ум книжному умствованию Демьяненко.

— А ты бы что сделал с этим зерном? Нажарил блинчиков для своей родни?!

Димка с холодным высокомерием посмотрел на него. Он умел в нужные минуты перевоплощаться в непреклонного и самоотверженного поборника справедливости, готового ради принципов пойти хоть в огонь.

— Я бы это зерно честно раздал людям, и думаю, что это спасло бы кого-то от смерти!

— Честно – это как? – хищно прищурился Вовка. – Вот центнер зерна. Нас двадцать четыре человека. Подели честно!

Димка передёрнул плечами, показывая, сколь унижительно простой является эта задачка для его интеллекта, и быстро сосчитал:

— Примерно по четыре килограмма...

— Вот как! – усмехнулся Нестеров. – У меня брат и сестра – нам четыре килограмма. А ты в семье один – тебе тоже четыре. И это честно?! Ты делишь чужое, честный ты наш! Выходит, я работаю сторожем при складе с продовольствием и уволок пару ящиков тушёнки для голодающей семьи. Другой патронами на войне торгует, третий военную тайну врагу загнал...

— Я разве предлагал военной тайной торговать? Чего ты передёргиваешь?

— А, вон ты как! Значит, тебе брать чужое можно! А другим нельзя? Себе – чтоб хорошо, а другим – чтоб честно! А ты слышал слово долг?

— А есть ещё такое слово, как любовь к людям! И эта любовь превыше долга!.. – перебил его Димка.

— Друг мой Демьян, не говори красиво! Зачем тогда воевать против врага, на войне же людей убивают! Сдаться – и всё! Зачем работать – это трудно, негуманно. Пусть все лежат на печи и жалеют друг друга! Люди, которые спасли это зерно, как раз и думали о других, а если бы они это зерно по домам растащили, то стали бы предателями и воришками... И нечего тут своей философией голову людям морочить.

Я слушал и думал, что часто одни и те же явления оцениваются совершенно по-разному. В чём-то правым мне казался Димка, убедительными были и доводы Нестерова... Но я чувствовал, что за их словами не было внутренней силы, как будто бы каждому из них захотелось порисоваться перед окружающими, они надели яркие мушкетёрские костюмы, помахали перед нами бутафорскими шпагами и сошли со сцены, довольные произведённым эффектом. Так кто же прав на самом деле? Ведь не может же быть, чтобы правда двоилась, чтобы она зависела от остроумия и яркости своих случайных попутчиков, которые решили поупражняться в красноречии, несколько не заботясь о том, насколько утверждаемая ими точка зрения согласуется с голосом их сердца, с их верой.

(447 слов)

(По В. Почуеву)

Василий Андреевич Почуев – современный публицист.

14. М.Б. Барклай-де-Толли

Когда размышляешь о судьбах великих людей, то поневоле начинаешь испытывать какое-то смешанное чувство. С одной стороны, поражаешься грандиозным открытиям, гениальным прозрениям, непреклонной воле, непоколебимой верности своему призванию.

Начинаешь думать о чудесном вмешательстве каких-то сверхъестественных сил, одаривших избранного глубоким умом, необыкновенным трудолюбием, неугасимой страстью и необычайной проницательностью. Но, с другой стороны, испытываешь щемящую в сердце боль, оттого что многие великие люди беспрестанно терпели невзгоды, томилась в одиночестве, лишённые сочувствия и поддержки, жестоко упрекаемые теми, кому они искренне служили. Помните титана Прометея, который украл у олимпийских небожителей огонь? Как же отблагодарили люди своего спасителя? Они тотчас забыли его, и глаза прикованного к скале героя слезились от едкого дыма костров, на которых варилась похлёбка. Легенда о Прометее отражает драматизм реальной действительности.

10 июня 1812 года многотысячная армия Наполеона пересекла границу России. Захватчики были уверены в своей быстрой победе. Русскими войсками командовал Михаил Богданович Барклай-де-Толли, происходивший из древнего шотландского рода. Он хорошо знал о несокрушимой мощи французской армии, считал, что сражаться с врагом сейчас – это самоубийство, поэтому решил отступить. Решил отступить, несмотря на то, что этому противилась его честь, несмотря на то, что многие боевые соратники упрекали его в трусости. Как же трудно было тогда главнокомандующему, который носил иноземную фамилию, чем давал повод для самых вздорных подозрений.

Ходили слухи, что он изменник, что у Наполеона служат его родственники и, дескать, это они склонили Барклая к предательству. Полководец терпел. «Главное на войне не погибнуть с честью, а победить», – твердил он и упрямо, не обращая внимания на возмущённый ропот, постепенно переросший в общее негодование, отступал.

Маршалы Наполеона первыми почувствовали опасность: французские полки таяли в безбрежных русских просторах, ведь нужно было оставлять гарнизоны в захваченных городах, охранять дороги; силы дробились, армия растягивалась. А русские, не воюя, не теряя своих солдат, планомерно отступая, накапливали силы для решающего сражения.

К Москве подошла только половина французской армии. Наконец-то наступил миг решающей битвы! Но триумфу Барклая не суждено было наступить: пришёл приказ о его отставке. Нетрудно представить, что творилось в эту минуту в душе полководца: его, взвалившего на себя непосильную ношу позорного отступления, лишили славы победного сражения...

Дорожная карета Барклая остановилась неподалёку Владимира. Он направился было к дому станционного смотрителя, но путь ему преградила огромная толпа. Послышались оскорбительные выкрики, угрозы. Пришлось адъютанту Барклая обнажить саблю, чтобы проложить дорогу к карете. Что же утешило старого солдата, на которого обрушился несправедливый гнев толпы? Возможно, вера в правоту своего решения: именно эта вера даёт человеку силы идти до конца, даже если приходится идти в одиночку. И ещё, может быть, Барклая утешила надежда. Надежда на то, что когда-нибудь бесстрастное время всем воздаст по заслугам и справедливый суд истории обязательно оправдает воина, который угрюмо едет в карете мимо ревушей толпы и глотает горькие слёзы.

(437 слов)

(По В. Лаптеву)

Лаптев Владимир Витальевич (родился в 1935 г.) – публицист, педагог. Занимается освещением широкого круга социально-нравственных проблем.

15. Мода как искусство

Вопрос о моде, несмотря на свою обыденность, является важным, так как мода оказывает большое влияние на формирование эстетического сознания человека. Мода – это только смена образцов и форм одежды, это сложное художественно-эстетическое явление, это поиск нового стиля, манеры поведения, проявление вкуса, внутренней культуры человека. Трудно назвать такую область социально-экономической и культурной жизни, где нет влияния моды.

Мода – явление целостное и универсальное, связанное с разными областями жизнедеятельности человека: экономической, психологической, эстетической. Главная цель моды – преодолеть противоречие между внешним обликом людей и эстетическим идеалом данного времени. Эволюция моды выражается в смене эстетического идеала внешности в каждую эпоху.

Мода – это движение эстетического вкуса в рамках художественного стиля эпохи, воплощение изменчивых представлений о красоте. Большое влияние на моду оказывает искусство, оно задаёт тон эстетической культуре эпохи, вкусам людей, их чувству красоты. Нужно проследить эволюцию моды через историю костюма. В середине XIV века в одежде произошло серьезнейшее изменение, повлиявшее на всю последующую историю костюма: она стала уже и короче, что на первых порах вызывало резкое неприятие со стороны моралистов. Колебания моды не изменили этой ведущей тенденции на протяжении веков.

Мода постоянно меняется, однако есть общие подходы, принципы, которыми мы руководствуемся, формируя свой гардероб. Они сохраняются долго и не теряют своего значения, как бы ни менялась мода. В настоящее время культурный человек считается с модой, при этом старается соединить красоту и практичность. Мода существует для того, чтобы к ней индивидуально мог приспособиться каждый. Не следует доводить моду до абсурда. Если в моде узкие брюки, то не надо обуживать их до такой степени, чтобы с трудом одевать и снимать. Всякое стремление к преувеличению, излишеству в моде – свидетельство дурного вкуса.

Не может быть красивым то, что нанесет ущерб здоровью, поэтому следует одеваться сообразно погоде и времени года. Все предметы и части костюма должны сочетаться друг с другом. Даже очень хорошая модель может быть испорчена неудачным выбором расцветок отдельных частей. Не следует стремиться вместить в свой костюм все цвета радуги, лучше ограничиться тремя из них, такими, которые бы гармонировали друг с другом и были вам к лицу.

Одежда должна соответствовать возрасту. Юная девушка в строгом чёрном платье выглядит пуритански, а пожилая женщина в короткой юбке и с зелёной прядью волос легкомысленно.

Всегда следует помнить о том, что одежда должна соответствовать своему назначению и окружающей обстановке. Культуру одежды определяют также требования чистоты и опрятности одежды и обуви. Элегантная одежда уживается только с элегантным хозяином, который имеет красивую осанку, владеет хорошими манерами и правильной речью.

Таким образом, при всём многообразии правил этикета, относящихся к культуре внешнего вида человека, главное в них – чувство меры, гигиеничность и здоровый смысл.

Костюм, даже самый красивый, всегда останется просто «красивым костюмом», он никогда не сделает человека воспитанным, культурным, красивым.

(436 слов)

(По Н.М. Аршавской)

Н.М. Аршавская – специалист в области моды, автор нескольких книг.

16. Мудрости надо учить

Позвольте напомнить известное изречение: «Где наша мудрость, потерянная в знаниях? Где наше знание, потерянное в информации?»

Высшее, чего может достичь человек, – это мудрость. Ей бы полагалось стать школьным предметом, мудрости надо учить. Точнее, к мудрости надобно приучать – как к осторожности суждений, воздержанию от недостаточно обоснованных утверждений, умению принимать во внимание множество факторов, опираясь на то, что рождено разнообразием исторического опыта. Это больше, чем знания. Это ещё и интуиция, и отвращение к самообману. Мудрый человек никогда не самонадеян: он не считает конечными полученные им результаты раздумий, он допускает их ошибочность, сопоставляя их с прямо противоположными утверждениями и находя пробелы в том, что казалось бесспорным.

Мудрость нуждается в знаниях, но не сводится к ним.

Кто-то может знать, допустим, все разновидности бабочек и ничего не смыслить в проблемах экологии. Даже не интересоваться ими. В таком случае человек упускает из вида связь отдельно взятой бабочки с устройством мира.

Знания отвечают на вопрос «Почему?», а информация – только на вопросы «Что? Где? Когда? Как?».

Знание состоит из «пониманий» и является достоянием науки. Знание нуждается в информации, но не сводится к ней – оно выше, поскольку знает, как проверять достоверность информации. Знание в европейской, а теперь и в общемировой научной традиции всегда противостояло мнению. Мнение – это всего лишь некоторое отношение к чему-либо, а знание – это, повторю, понимание закономерности. Важно не столько отстаивать непременно своё мнение, сколько думать о том, чтобы оно было доказано, хотя бы стремилось стать знанием. Стремление всячески поощрять безосновательные мнения как самоцель очень опасно для растущего человека. Недостаточно мыслить самостоятельно – надо ещё мыслить правильно.

Вкусу к свободе, к полёту мысли надо долго учиться. Вспомните: мысли у Буратино были коротенькие-коротенькие. А совсем молодой Пушкин в послании другу написал такие слова: «Учусь удерживать вниманье долгих дум...» Оказывается, своя мысль требует долгого и мучительного спора с собой, внутреннего жёсткого требования проверок и перепроверок, выстраивания длинных цепочек рассуждений. Их надо все удержать в круге своего напряжённого внимания – это серьёзная работа. Вот что значит «удерживать вниманье долгих дум».

И для некоторых людей это – удовольствие. Сократ, как передаёт легенда, однажды так увлёкся размышлением, что простоял неподвижно на одном месте почти сутки, не замечая ничего вокруг.

Людей, очевидно, можно разделить на две категории: способных «удерживать внимание долгих дум» и тех, кто предпочитает короткие, простенькие мысли, что не мешает их самодовольству и самовлюблённости. Когда поощряют необоснованные мнения, то поддерживают в человеке вот эту самовлюблённость и склонность к самообману.

Потому сегодня так важно уйти от одобрения, от поощрения коротеньких, как у Буратино, мыслей и учиться у Пушкина с его предпочтением «долгих дум».

Есть простой способ облагородить мысль, а не сковать ее, внедрить не страх перед ошибкой, а поощрить к напряженной мысли. Этот способ в том, чтобы вести от успеха к успеху. Человек любит то, что у него здорово получается.

(445 слов)

(По Б.М. Бим-Баду)

Борис Михайлович Бим-Бад – российский педагог, действительный член Российской академии образования. Доктор педагогических наук, профессор, член МФКО и телеведущий.

17. Найти свое лицо

Красота в мире – это разнообразие, непохожесть. Мысль о том, что человечество якобы составляет толпа людей, руководимых яркими личностями, – такая мысль исключает красоту и противоречит эстетике.

Не бывает абсолютно одинаковых и совсем бездарных людей! Каждый рождается с печатью какого-либо таланта. Потребность творчества так же естественна, как потребность пить или есть; она теплится в каждом из нас даже в самых невероятно тяжких условиях. Каждая личность по-своему талантлива, своеобразна. Людей абсолютно плохих внутренне и внешне, к счастью, не существует.

То, что потребность творчества свойственна каждому, видно хотя бы из того, что в детстве, даже в младенчестве, у ребёнка есть потребность в игре. Каждый ребёнок хочет играть, то есть жить творчески. Почему же с годами творчество понемногу исчезает из нашей жизни, почему творческое начало сохраняется и развивается не в каждом из нас? Грубо говоря, потому, что мы либо занялись не своим делом (не нашли себя, своего лица, своего таланта), либо не научились жить и трудиться (не развили таланта). Второе нередко зависит от первого, но и первое от второго не всегда бывает свободно. Если не научишься трудиться, так и не узнаешь, чем наградила тебя природа.

Если же духовный потенциал слаб, то личность стирается, нивелируется, быстро теряет индивидуальные, присущие ей одной черты. Стройному восхождению, творческому раскрепощению личности может помешать любой душевный, семейный, общественный или мировой разлад, любая неурядица, которые, кстати сказать, бывают разные. Например, одно дело, когда нет обуви для того, чтобы ходить в школу (а то и самой школы), и совсем другое, когда тебя силой заставляют постигать музыкальную грамоту. Конечно, второй случай предпочтительнее, но разлад есть разлад. Поэтому мы видим, что общественная ориентация отнюдь не всегда безошибочна и что мода вообще вредна в таком деле, как дело нахождения себя.

Почему, собственно, считается творческой только жизнь артиста или художника, ведь артистом и художником можно быть в любом деле? Это должно быть нормой. Ореол исключительности той или иной профессии, деление труда по таким принципам, как «почётно-непочётно», «интересно-неинтересно», как раз и поощряет мысль о недоступности творчества для всех и для каждого. Но это вполне устраивает сторонников нивелирования личности, которые выделяют безликую толпу бездарных людей и противопоставляют ей людей талантливых. Но разве это правильно?

Под маской скромности (где уж нам, дескать?) таится обычная трусость либо обычная лень, и человек лишь пользуется созданными до него художественными ценностями, даже не пытаясь создать что-то свое. Пусть не гениальное, но свое! Пресловутый максимализм (либо стать Микеланджело, либо совсем не заниматься творчеством) никогда не содействовал благу. Игнорировать собственный талант (какой бы он ни был по величине) на том основании, что есть люди способней тебя, глушить в себе творческие позывы так же безнравственно, как безнравственно заниматься саморекламой, преувеличивая собственные, нередко весьма средние возможности.

«Уничтожение паче гордости», – говорится в пословице. Найти свое лицо – нравственная обязанность каждого.

(440 слов)

(По В. Белову)

Василий Иванович Белов (1932–2012) – русский писатель, один из крупнейших представителей «деревенской прозы».

18. Наука формирует личность

Оставляя пока в стороне все материальные выгоды, которые мы получаем от науки, обратим внимание на ту её сторону, которая доставляет нам внутреннее удовлетворение и служит главной причиной нашего духовного развития. Цель изучения наук и переработки тех сведений, которые они доставляют, есть формирование в нас личности, именно личности, то есть совокупности таких идей и убеждений, которые бы составили собой неотъемлемую принадлежность нашего «я». Каждый человек представляет собой независимое и обособленное целое. Быть цельным, быть самостоятельной единицей, то есть иметь своё действительно своим, – идеал образованного человека. Наука требует внимания и сосредоточения, а это вовсе не сразу дается. Наука требует любви к изучаемому предмету, а это требует воспитания. Хороший, истинный ученик – это уже самостоятельный человек.

Но приобрести убеждения, которые бы образовали в нас личность, можно лишь путем долгого и упорного изучения наук. Имея свои убеждения, мы становимся в определённое отношение к окружающим людям, к обществу, к 109 государству, и это уже должно доставить нам большое удовлетворение. Да, кроме того, одно чистое знание без всякого употребления его на выработку миросозерцания уже служит для человека источником высоких наслаждений.

Но наука приносит «сладкие плоды» даже таким людям, которые по своей близорукости не ждут от неё духовного удовлетворения. Многие при изучении наук преследуют только одни материальные выгоды, и в их осознании достижение известного «образования» всегда соединяется с получением материальных преимуществ. В этом случае «плоды учения» ещё более очевидны. Раз человек достиг известного положения в обществе, если он обеспечил себе безбедное существование, то «сладкий плод» учения становится для него прямой реальной действительностью. Но можно нередко встретить таких людей, которые, по своей ли вине или просто из-за дурных условий существования, не получив в молодости достаточного образования, вступили в жизнь без всяких познаний и подготовки для деятельности в качестве полезного члена общества. Эти люди, если они не испытали всех трудностей первых лет учения по своей лени, всегда упрекают самих себя и начинают «учиться» уже в зрелых годах. Пока не сделаются образованными, они не могут рассчитывать на выгоды и пользу, которые другие люди получают после многих лет труда и лишений ради образования.

Вместе с теми, кому мешали раньше учиться внешние обстоятельства, они, начиная заниматься, с удовольствием переносят все трудности учения и думают вместе с поэтом, который, «погубив много жизни на разные забавы», с сожалением говорит:

Грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана!

Выгоду образования можно сравнить с урожаем на земле крестьянина. Ранней весной он начинает свои полевые работы и трудится всё лето, несмотря на страшно изнуряющую жару, в поле, где нет ни одного дерева, которое бы могло скрыть его под свою тень. Но честно потрудившегося крестьянина ожидает удовольствие отдыха и полного материального достатка на круглый год.

(427 слов)

(По А. Лосеву)

Алексей Фёдорович Лосев (1893-1988) – русский философ, антиковед и переводчик, видный деятель советской культуры. Профессор, доктор филологических наук.

19. Не такие, как все...

Вот люди, которые приходят ко мне, пишут мне поздравительные открытки, делают вид, что я такой же, как и все, и что всё будет в порядке, или не делают вид, а просто тянутся ко мне, может, верят в чудо, в моё выздоровление. Вот они. У них есть это самое сострадание. Чужая болезнь их тоже малость точит – одних больше, других меньше. Но немало таких, которые презирают чужую болезнь, они не решаются вслух сказать, а думают: ну зачем он ещё живёт, зачем он ползает?

Вот с такими я жил бок о бок несколько лет. Это были мои соседи по квартире. Мать, отец, дочки. Вроде бы люди как люди. Работали исправно, семья у них была дружная, своих в обиду не дадут. И вообще всё как полагается: ни пьянства, ни измен, здоровый быт, здоровые отношения и любовь к песне. Как придут домой – радио на всю катушку, слушают музыку, последние известия, обсуждают международные события. Аккуратные до удивления люди. Не любят, не терпят беспорядка. Полы натёрты, всё блестит, свет в общественных местах погашен. А тут я. И у меня костыли. И я не летаю, а тихо хожу. Ковыляю по паркету. А паркет от костылей – того, портится... Тут и начался наш с ними духовный разлад, пропасть и непонимание. Нужно было иметь железные нервы, чтобы под их враждебными взглядами ковылять в ванную и там нагибать позвоночник, вытирать пол, потому что мокрый пол – это нарушение норм общественного поведения, это атака на самые устои коммунальной жизни.

И начиналось: если вы больные, так и живите отдельно! Что я могу ответить? Я бы и рад отдельно, я прошу об этом, да не дают. Больным не место в нашей здоровой жизни. Так решили эти люди и начали против меня осаду, эмбарго и блокаду. И хуже всего им было то, что я не откликался, не лез в баталии, не давая им радости в словесной потасовке. Я пытался быть выше и от постоянных попыток таким и стал. А потом мне становилось порой так плохо, что всё это уже не волновало меня.

Всё больше доставлял я им хлопот, всё громче стучал своими костылями, всё труднее мне становилось вытирать полы, не проливать воду, и всё нетерпимее становилась обстановка в этой странной обители, соединившей самых разных, совершенно не нужных друг другу людей.

И я в один прекрасный момент понял совершенно отчётливо, что, может быть, самое главное мужество человека в том, чтобы преодолеть вот такую мелкую трясину, выбраться из бытовых гнусностей, не поддаться соблазну мелочной расплаты, карликовой войны, копеечного отчаяния.

Потому что мелочи такого рода с огромной силой разъедают множество людей, не выработавших себе иммунитет к этому. И вот эти люди всерьёз лезут в дразги, в дурацкую борьбу, опустошаются, тратят нервы, уже не могут остановиться. Когда они постареют, они поймут всю несущественность этой возни, но будет уже поздно, уже слишком много сил отдано мышинной возне, так много зла скоплено внутри, так много страстей потрачено, которые могли бы питать что-то важное, которые должны были двигать человека вперёд.

(476 слов)

(По В. Амлинскому)

Амлинский Владимир Ильич – советский писатель.

20. О милосердии

В прошлом году со мной приключилась беда. Шел по улице, поскользнулся и упал... Упал неудачно, хуже и некуда: сломал себе нос, рука выскочила в плече, повисла плетью. Было это примерно в семь часов вечера. В центре города, на Кировском проспекте, недалеко от дома, где живу.

С большим трудом поднялся, забрел в ближайший подъезд, пытался платком унять кровь. Куда там, я чувствовал, что держусь шоковым состоянием, боль накачивает все сильнее и надо быстро что-то сделать. И говорить-то не могу – рот разбит.

Решил повернуть назад, домой.

Я шел по улице, думаю, что не шатаюсь. Хорошо помню этот путь метров примерно четыреста. Народу на улице было много. Навстречу прошли женщина с девочкой, какая-то парочка, пожилая женщина, мужчина, молодые ребята, все они вначале с любопытством взглядывали на меня, а потом отводили глаза, отворачивались. Хоть бы кто на этом пути подошел ко мне, спросил, что со мной, не нужно ли помочь. Я запомнил лица многих людей, – видимо, безотчетным вниманием, обостренным ожиданием помощи...

Боль путала сознание, но я понимал, что, если лягу сейчас на тротуаре, преспокойно будут перешагивать через меня, обходить. Надо добираться до дома. Так никто мне и не помог.

Позже я раздумывал над этой историей. Могли ли люди принять меня за пьяного? Вроде бы нет, вряд ли и производил такое впечатление. Но даже если и принимали за пьяного — они же видели, что я весь в крови, что-то случилось – упал, ударили, – почему же не помогли, не спросили хотя бы, в чем дело? Значит, пройти мимо, не связываться, не тратить времени, сил, «меня это не касается» стало чувством привычным?

С горечью вспоминая этих людей, сначала злился, обвинял, недоумевал, потом стал вспоминать самого себя. Нечто подобное — желание отойти, уклониться, не связываться – и ее? мной было. Уличая себя, понимал, насколько в нашей жизни привычно стало это чувство, как оно пригрелось, незаметно укоренилось.

Я не собираюсь оглашать очередные жалобы на порчу нравов. Уровень снижения нашей отзывчивости заставил, однако, призадуматься. Персонально виноватых нет. Кого винить? Оглянулся – и причин видимых не нашел.

Раздумывая, вспоминал фронтовое время, когда в голодной окопной жизни исключено было, чтобы при виде раненого пройти мимо него. Из твоей части, из другой – было невозможно, чтобы кто-то отвернулся, сделал вид, что не заметил. Помогали, тащили на себе, перевязывали, подвозили... Кое-кто, может, и нарушал этот закон фронтовой жизни, так ведь были и дезертиры, и самострелы. Но не о них речь, мы сейчас – о главных жизненных правилах той поры.

Я не знаю рецептов для проявления необходимого всем нам взаимопонимания, но уверен, что только из общего нашего понимания проблемы могут возникнуть какие-то конкретные выходы. Один человек – я, например, – может только бить в этот колокол тревоги и просить всех проникнуться ею и подумать, что же сделать, чтобы милосердие согрело нашу жизнь.

(439 слов)

(По Д. А. Гранину. Из очерка «О милосердии»)

21. О художнике и зрителе

«Художник обязан скрыть от публики те усилия, которых ему стоит произведение, – писал однажды Крамской. – Свобода и легкость – неперемнное наслаждение зрителя...»

Но легкость легкости рознь. Размышляя об этом, думая о сложной взаимосвязи между художником и зрителем, я вспоминаю еще одну сцену из далеких дней моего детства.

Как-то в школе нам объявили, что приехал и выступит перед нами столичный художник-виртуоз. Что означали эти слова, никто не понимал. Но тем сильнее разъедало нас любопытство.

После уроков все собрались в зале. Школьный сторож Кузьма вынес на сцену столик, два мольберта с поставленными на них чертежными досками, толстую стопку александрийской бумаги.

Затем появился сам «виртуоз». Это был полный румяный мужчина в чесучовой блузе-толстовке, с кудрями до плеч и выпуклыми глазами, сизыми, как слива «венгерка». Он вышел, неся в руке лакированный плоский ящик, живо раскланялся, поставил ящик на стол, щелкнул медными застежками и раскрыл его жестом циркового фокусника. В ящике рядами лежали цветные палочки-мелки.

«Виртуоз» накрепил кнопками к доскам два листа «александрййки», затем – опять-таки жестом фокусника – набрал полную горсть мелков, и тут начались чудеса.

Листы бумаги стали на наших глазах с необыкновенной быстротой превращаться в картины-пейзажи. Цветные мелки будто сами бегали по шершавой «александрййке», вырисовывая деревья, траву, тропинки, пышные сливочные облака в небесах и синюю воду.

Мы сидели с раскрытыми ртами и взрывались аплодисментами, когда «виртуоз», закончив очередной лист, раскланялся с чарующей улыбкой.

Казалось, чудесам не будет конца. Раскланявшись, он сменял готовые пейзажи чистыми листами бумаги, и вновь на глазах у нас возникали как бы сами собой невиданной яркости малиновые закаты, избушки в снежных шапках среди сахарно-голубых сугробов, бирюзовые озера с лебедями и апельсиново-лимонные осенние рощи.

Наконец «виртуоз» приступил к своему коронному номеру. Сдвинув мольберты вплотную, он прикрепил к доскам два свежих листа и стал орудовать обеими руками, правой и левой, малюя одновременно два пейзажа – летний и зимний.

И тут вдруг из первого ряда поднялся сидевший там наш учитель рисования Александр Григорьевич.

Долговязый и тощий, в своей вытертой на локтях бархатной блузе и шнурованных сапогах, он направился, горбясь, к выходу через весь зал. Его седоватая борода вздрагивала, губы кривились. Выражение нестерпимой обиды, написанное на его худом, обычно едко-насмешливом лице, я запомнил надолго и вспоминал не раз впоследствии.

Вспоминал, когда бился над первыми своими этюдами, над каким-нибудь простеньким на взгляд мотивом. Вспоминал, размышляя о непримиримой вражде между ремеслом и искусством. Вспоминал, думая о поверхностной легкости, о заученных приемах, за которыми не кроется ничего действительно важного или хотя бы искреннего и которые, тем не менее, подкупают порою зрителя так же неотразимо, как подкупила когда-то нас, несмышленишей из трудшколы, ловкость рук заезжего мастака.

Умение отличить в искусстве настоящее от поддельного, понять разницу между действительной красотой и «красивостью» – не простое дело.

Многие полагают, что понимание живописи дается само по себе, не требуя никаких усилий. Но это так же неверно, как и то, что ребенок, едва научившийся складывать слоги в слова, может наслаждаться поэзией Пушкина или прозой Тургенева.

Есть дистанция между первой детской песенкой и симфонией Чайковского – только пройдя эту дистанцию, начинаешь понимать, какие сокровища человеческих чувств кроются в музыке.

В каждом из нас природой заложена способность воспринимать прекрасное. Но эта способность, как и все другие природные способности человека, нуждается в развитии.

(450 слов)

(Л.Волынский. «Лицо времени»)

22. Поющее сердце

Каждый писатель тревожится о том, как его будут читать? Увидят ли то, что он хотел показать? Почувствуют ли то, что любило его сердце? И кто будет его читатель? От этого зависит так много... И прежде всего – состоится ли у него духовная встреча с теми далекими, но близкими, для которых он втайне писал свою книгу?

Дело в том, что далеко не все читающие владеют искусством чтения. Глаза бегают по буквам, «из букв вечно выходит какое-нибудь слово» (Гоголь) и всякое слово что-нибудь да «значит»; слова и их значения связываются друг с другом, и читатель представляет себе что-то – «подержанное», расплывчатое, иногда непонятное, иногда приятно мимолетное, что быстро уносится в позабытое прошлое... И это называется «чтением». Механизм без духа. Безответственная забава. «Невинное» развлечение. А на самом деле – культура верхоглядства и поток пошлости.

Такого «чтения» ни один писатель себе не желает. Таких «читателей» мы все опасаемся. Ибо настоящее чтение происходит совсем иначе и имеет совсем иной смысл...

Как возникло, как созрело написанное?

Кто-то жил, любил, страдал и наслаждался; наблюдал, думал, желал, – надеялся и отчаивался. И захотелось ему поведать нам о чем-то таком, что для всех нас важно, что нам необходимо духовно увидеть, прочувствовать, продумать и усвоить. Значит – что-то значительное о чем-то важном и драгоценном. И вот он начал отыскивать верные образы, ясно-глубокие мысли и точные слова. Это было нелегко, удавалось не всегда и не сразу. Ответственный писатель вынашивает свою книгу долго: годами, иногда – всю жизнь; не расстается с нею ни днем, ни ночью; отдает ей свои лучшие силы, свои вдохновенные часы; «болеет» ее темой и «исцеляется» писанием. Ищет сразу и правды, и красоты, и «точности» (по слову Пушкина), и верного стиля, и верного ритма, и все для того, чтобы рассказать, не искажая, видение своего сердца... И, наконец, произведение готово. Последний просмотр строгим, зорким глазом; последние исправления – и книга отрывается, и уходит к читателю, неизвестному, далекому, может быть – легковесно капризному, может быть – враждебно придиричивому... Уходит – без него, без автора. Он выключает себя и оставляет читателя со своею книгою «наедине».

Читать – значит искать и находить: ибо читатель отыскивает скрытый писателем духовный клад, желая найти его во всей его полноте и присвоить его себе. Это есть творческий процесс, ибо воспроизводить – значит творить. Это есть борьба за духовную встречу; это есть свободное единение с тем, кто впервые приобрел и закопал искомый клад. И тому, кто никогда этого не добивался и не переживал, всегда будет казаться, что от него требуют «невозможного».

Искусство чтения надо приобретать и вырабатывать в себе. Чтение должно быть углублено; оно должно стать творческим и созерцательным. И только тогда нам всем откроется его духовная ценность и его душеобразующая сила. Тогда мы поймем, что следует читать и чего читать не стоит; ибо есть чтение, углубляющее душу человека и строящее его характер, а есть чтение разлагающее и обессиливающее.

По чтению можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, что он читает; и каждый человек есть то, как он читает; и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочтенного, – как бы букетом собранных нами в чтении цветов...

(494 слова)

(По И.А. Ильину)

Иван Александрович Ильин (1883–1954) – русский философ, писатель и публицист, сторонник Белого движения и последовательный критик коммунистической власти в России, идеолог Русского общевоинского союза.

23. Природа и культура

Воспитание любви к родному краю, к родной культуре, к родному селу или городу, к родной речи – задача первостепенной важности. Но как воспитать эту любовь?

Она начинается с малого – с любви к своей семье, к своей школе. Постепенно расширяясь, эта любовь к родному переходит в любовь к своей стране – к ее истории, ее прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству, к человеческой культуре.

Человек живет в определенной окружающей среде. Загрязнение среды делает его больным, угрожает его жизни, грозит гибелью человечеству. Человечество тратит миллиарды не только на то, чтобы не задохнуться, не погибнуть, но чтобы сохранить также ту окружающую нас природу, которая дает людям возможность эстетического и нравственного отдыха. Целительная сила природы хорошо известна.

Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией. Но ее нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни.

Вот, к примеру, после войны в Ленинград вернулось, как известно, далеко не все довоенное население, тем не менее, вновь приехавшие быстро приобрели те особые «ленинградские» черты поведения, которыми по праву гордятся ленинградцы. Человек воспитывается в определенной, сложившейся на протяжении многих веков культурной среде. История открывает ему окно в мир. Посещать квартиры-музеи, дома-музеи – значит постоянно обогащаться духовно.

Ненавязчиво и ненастойчиво творения прошлого, в которые вложены талант и любовь поколений, входят в человека, становясь мерилем прекрасного. Он учится уважению к предкам, чувству долга перед потомками. И тогда прошлое и будущее становятся неразрывными для него, ибо каждое поколение – это как бы связующее звено во времени. Любящий свою родину человек не может не испытывать нравственной ответственности перед людьми будущего, чьи духовные запросы будут все множиться и возрастать.

Если человек не любит смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, – значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, бывшие «участниками» его юности, – значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он, как правило, равнодушен и к своей стране.

Итак, в экологии есть два раздела: экология биологическая и культурная, или нравственная. И нет между ними пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой.

(387 слов)

(По Д. С. Лихачеву)

Дмитрий Сергеевич Лихачёв (1906-1999) – советский и российский филолог, культуролог, искусствовед, доктор филологических наук, профессор, председатель правления Российского фонда культуры (1986–1993). Автор фундаментальных трудов, посвящённых истории русской литературы и русской культуры.

24. Последний подвиг

Всякий раз, когда я встречаю мальчишку, заботящегося только о своем благополучии и удобствах, я вспоминаю о тех благородных людях, кто всегда был готов пожертвовать самой жизнью для спасения других.

Ты, наверное, слышал о знаменитом советском лётчике Валерии Чкалове. Это он первым в мире пролетел из Москвы в Америку без посадки через Северный полюс. Но ты, возможно, не знаешь, какой подвиг совершил этот бесконечно мужественный человек в последнюю минуту своей жизни. Чкалов был военным лётчиком-испытателем. Он первым подымал в воздух новые образцы боевых машин – разведчики, истребители, скоростные и тяжёлые бомбардировщики – и проверял, как они ведут себя в полёте.

Ранним утром 15 декабря 1938 года Чкалов испытывал только что 95 выпущенный заводом истребитель. Набрав высоту, лётчик начал постепенно увеличивать скорость, бросать машину вниз и снова взмывать кверху, делать резкие развороты и «мёртвые петли».

Как всегда, когда в воздухе был Чкалов, на лётном попе возле ангаров собралось много зрителей, любовавшихся мастерством лётчика.

И вдруг могучий рёв мотора неожиданно прервался.... Ещё перебой и ещё.... И мотор смолк. Самолёт пролетел по инерции сотню-другую метров и пошёл к земле, теряя высоту.

Чкалову было не впервой побеждать смертельную опасность. Его опыт и мастерство лётчика-испытателя, его неизменное хладнокровие давали возможность посадить машину и не на бетонную дорожку аэродрома. И на этот раз Чкалов мгновенно оценил обстановку и направил падающую машину на ближайший к аэродрому пустырь. Но вдруг он увидел, что там бежит по снегу маленькая девочка в красном пальтишке. Неужели ей суждено погибнуть под рухнувшей сверху тяжёлой машиной?!

И в эти последние секунды Валерий Чкалов принял решение, такое же благородное и мужественное, какой была вся его жизнь.

Резко изменив направление, Чкалов бросил несущийся к земле самолёт в сторону, туда, где на пути виднелись кирпичные здания мастерских...

Так Чкалов совершил свой последний подвиг. Пожертвовав жизнью, он спас неизвестную маленькую девочку от неминуемой гибели. Вспоминается мне и последний подвиг прославленного героя Гражданской войны Яна Фабрициуса. В последние минуты жизни он думал не о себе. К погружавшемуся в море самолёту подлетела моторная лодка.

— Товарищ комкор, прыгайте скорее сюда! – закричали с неё.

— Здесь женщина с ребёнком. Спасайте сначала их! – ответил Фабрициус и подал в окно пятилетнюю девочку. Затем он вытолкнул через то же окно потерявшую сознание мать ребёнка.

В этот момент наполнившийся водой самолёт перевернулся. Тяжёлая машина камнем пошла ко дну, и спасти Фабрициуса уже не удалось...

Этот пример благородной отваги, мужества и любви к людям вспоминается всякий раз, когда сталкиваешься с мелким эгоизмом, заботой о собственном удобстве в ущерб окружающим.

Не всякий человек способен, конечно, отдать жизнь за другого. Но постоянно помнить о других людях, уметь жертвовать своим благополучием в пользу слабейшего обязан каждый, кто хочет с достоинством и по праву называть себя человеком. И учиться этому надо смолоду.

(438 слов)

(По А. Дорохову)

Алексей Дорохов - русский писатель, журналист, критик, автор научно-популярных книг для детей. Автор большого количества очерков, рассказов, рецензий для детских газет и журналов. С началом войны ушел на фронт добровольцем, был солдатом, затем - военным корреспондентом.

25. Родина

Товарищ! Помнишь морозные финляндские ночи? Помнишь разговоры о войне и Родине?

Над ними было маленькое небо из бревен в два наката. Чужой ветер дул в трубе. Чужой снег падал на крышу. Они дрались тогда на чужой земле, но защищали безопасность своей Родины. Каждый метр отвоеванного ими льда и снега становился родным: они полили его своей кровью. Они не отдали бы его ценою жизни – он принадлежал Родине.

Родина! Большое слово. В нем двадцать один миллион квадратных километров и двести миллионов земляков. Но для каждого человека Родина начинается в том селении и в том доме, где он родился. Для нас с тобой – за Днестром, на руднике, в Донбассе. Там наши хаты под седым очеретом – и твоя, и моя. Там прошумела наша веселая юность – и моя, и твоя. Там степь бескрайна, и небо сурово, и нет на земле парней лучше, чем донбасские парни, и заката красивей, и запаха роднее, чем горький, до сладости горький запах угля и дыма. Для нас с тобой Родина началась здесь. Здесь начало, а конца ей нет. Она безбрежна. Чем больше растёшь, тем шире раздвигаются ее границы. Больше дорог – больше сердечных зарубок.

В городке на далекой границе они начали свою красноармейскую службу. В первую ночь они стояли на крепостном валу и глядели вниз, на серо-зеленые камни зданий, на плоские крыши, на яблоневые сады, на весь этот непонятный и чужой нам мир, слушали непонятный, чужой говор, скрип арб, рев буйволов. Но когда через два года уходили они отсюда, весь город шел провожать их, и полкового барабана не было слышно из-за гула напутственных криков. Так входили в их сердца разноплеменные края нашей Родины: и черные вышки Баку, куда ездили с бригадой шахтеров, и ржавая степь Магнитки, и снега Сибири.

Вот и сейчас бой идет в двух километрах отсюда. Бой за это село, из которого я тебе пишу. Ко мне подходят колхозники. Садятся рядом. Вежливо откашливаясь, спрашивают. О чем? О бое, который кипит рядом? Нет! О 192 Ленинграде!

— Ну, как там Ленинград? А? Стоит, держится

Никогда они не были в Ленинграде, и родных там нет, – отчего же тревога в их голосе, неподдельная тревога? Отчего же болит их сердце за далекий Ленинград, как за родное село?

И тогда я понял. Вот что такое Родина: это когда каждая хата под седым очеретом кажется тебе родной, и каждая старуха в селе – родной матерью. Родина – это когда каждая горячая слеза наших женщин огнем жжет твое сердце. Каждый шаг фашистского кованого сапога по нашей земле – точно кровавый след в твоём сердце.

У Днестра мы задержали врага. Но, как бешеный, бьет он оземь копытом. Рвется дальше. Рвется в Донбасс. На нашу родную землю, товарищ! Я видел: уж кружат над нашими шахтами его стервятники. Уже не один дом зашатался под бомбами и рухнул. Может, мой? Может, твой? Товарищ! Если ты любишь Родину, – без пощады, без жалости, без страха бей врага!

(460 слов)

(По Б. Горбатову)

Борис Леонтьевич Горбатов (1908-1954) – русский советский писатель, сценарист. Лауреат двух Сталинских премий второй степени. Один из создателей Объединения пролетарских писателей Донбасса «Забой».

26. Рядом через века

О собаках написано много книг. Человеку всегда, во все времена приносили помощь четвероногие помощники.

Собака – самое необыкновенное существо, прошедшее рядом с человеком долгую дорогу через века. Мы при всем своем разном отношении к собакам редко когда задумываемся об историческом значении шагания у ноги человека этого замечательного животного.

Много веков эти два существа идут по пути исторической эволюции бок о бок. Они неразрывно связаны, практически не могут обходиться друг без друга, и в психологическом понятии не только зависимы, но и не могут просто существовать один без другого. И чем более высокого интеллектуального и духовного уровня достигает человек в своем эволюционном прогрессе, тем ему более необходимо общение и присутствие другого, не похожего на него существа. Собака воплощает в себе часть представительства дикой природы. Человек уже не обитает в пещерах, не одевается в шкуры, не зависит от успеха охоты и вообще свое существование не ставит в зависимость от природных условий. Человек прошел длительный путь совершенствования и прогресса, но стал ли он от этого другим? Это все тот же человек, которому в тяжелую душевную минуту, чтобы обрести внутреннее равновесие, необходимо положить ладонь на голову безмолвно присутствующего четвероногого друга и увидеть в ответ глубокий преданный взгляд карих глаз. И как же бывает несправедлив человек к четвероногому товарищу. Как только собаки не служили своему кумиру, одевая и кормя его охотой, развлекая и веселя его своими проделками, отдавая жизнь на поле брани или на столе экспериментатора во имя спасения все той же человеческой жизни, служа вычным, ездовым и мясным скотом. Ни одно животное в мире рядом с человеком не освоило столько профессий, как собака. И все это только за право жить или находиться рядом со своим кумиром, за право умереть, глядя на него или получить жалкую подачку из его рук.

Собака представляет собой уникальное природное существо. Ему нет равного в животном мире. Только собака способна добровольно положить свою жизнь на жертвенный алтарь дружбы, не требуя взамен ничего. Собачья признательность не ослабевает никогда. Это существо каждый раз расстается со своим хозяином как навсегда и встречает его даже после минутной разлуки точно так же, как если бы он вернулся из небытия.

Нам обязательно возразят, что существуют, дескать, собаки агрессивные, откровенно злые и способные укусить руку, дающую кусок. Существуют. Характер собаки так же разнообразен, как и у человека. Есть собаки ленивые, самоотверженные, умные и глупые. Встречаются среди них агрессивные и коварные. Но и за это в ответе только человек. Собака, как в зеркале, отражает натуру человека, ею владеющего. Владелец собаки всегда получает того питомца, которого желает заполучить или же которого он не хотел бы заполучить. Человек сам как бы является границей в формировании собачьего интеллекта. Чем больше общение собаки с людьми, чем больше времени она проводит в людском сообществе, тем совершеннее ее умственные способности, ее разумность и сообразительность.

(448 слов)

(По О. Малову)

Олег Малов – известный охотничий литератор.

27. Сделай себя сам!

Представления о том, что всё в нашей жизни предопределено наследственностью, очень старые – гораздо старше научной биологии. Именно на них базировалась система каст, где социальное положение личности определялось только положением родителей. Представители прямо противоположной концепции считали, что разум новорождённого ребенка не содержит мыслей и принципов, всё возникает из чувственных данных и жизненного опыта.

Накопленные с тех пор научные знания позволяют говорить, что истина лежит посередине. Ни один признак не может развиваться, если такая возможность не заложена в генотипе. Но если развитие протекает в разных условиях, то проявление генотипа будет варьироваться. А главное, каждому признаку надо помочь развиваться. «...Человек таков, каков он есть, потому что его генотип плюс вся биография сделали его таким, – пишет известный генетик XX века Феодосий Добжанский. – Я употребляю слово «биография», а не «среда», потому что в некоторой степени человек сам делает себя таким, каким он хочет быть, разумеется, в рамках ограничений, накладываемых внешней средой».

История знает много случаев, когда люди, родившиеся в глуши, ценой собственных усилий поднимались до высот знания и профессионального мастерства и в то же время эти высоты не были нужны людям, которым, казалось бы, всё дано от рождения. Самый известный пример – жизнь М.В. Ломоносова.

Менее известна жизнь Д.И. Менделеева. Тяжелобольная мать, распродав всё, что у неё было, привезла его из далёкого Тобольска в Петербург. Они мечтали об университете, но, как выпускник Тобольской гимназии, Дмитрий Иванович не мог поступить ни в Московский, ни в Петербургский университет. Менее чем через год он остался сиротой и дальше всего добивался сам.

Для большинства имя Менделеева связано с Периодической системой элементов, книгой «Основы химии», выдержавшей много изданий и переведенной едва ли не на все языки мира, с созданием Палаты мер и весов. Казалось бы, куда больше?! Но были еще книги об экономике и промышленности России с прогнозами на будущее, не устаревшими и по сей день, разработка проектов ледокола и стратостата с герметической гондолой и многое, многое другое. «Гениальный химик, первоклассный физик плодотворный исследователь в области гидродинамики, метеорологии, геологии, в различных отделах технологии глубокий знаток промышленности, особенно русской, государственный ум, который видел и понимал будущность России», – так характеризует Менделеева один из его современников химик Лев Александрович Чугаев.

Трудно поверить в то, что замечательный писатель, великий мастер слова Иван Алексеевич Бунин в гимназии «пробыл» всего четыре года. Всё остальное сделали книги...

В интервью для журнала «Человек» И.И. Иванову, директору Медикогенетического центра, был задан вопрос: «Что получится, если появится 132 возможность анализировать индивидуальный геном человека, подобно, например, анализу крови?» Учёный ответил: «Мы наверняка узнаем, что у этого человека есть задатки, чтобы развить одну из ста тысяч версий, которые из него в принципе могут развиваться, и не развивать другие сто тысяч версий, которые не дадут положительного результата».

«Терпение и труд всё перетрут», – гласит пословица. Действительно, надо не полагаться полностью на научный прогресс, а стараться сделать свою жизнь интересней в первую очередь для себя самого – тогда это будет Человеческая жизнь, и чем больше людей будет так жить, тем ярче и красочней будет наш мир.

(478 слов)

(По Л. Серовой)

Серова (Богданова) Любовь Владимировна – доктор биологических наук, действительный член Международной академии астронавтики, публиковалась в журналах «Знание-сила», «Наука и жизнь», «Природа».

28. Семейные ценности

Перечень основных семейных ценностей, без сомнения, для каждой семьи будет уникальным и будет содержать бесконечное количество пунктов и подпунктов.

Каждый из нас должен иметь четкое представление о тех семейных ценностях, которые способствуют укреплению крепкой и дружной семьи. Знание моральных и нравственных устоев играет важную роль в укреплении доверия и повышении уверенности к каждому члену семьи.

Чувство значимости необходимо. Важно, чтобы каждый член семьи знал, что его любят, ценят и в нем нуждаются. Даже если семья сплоченная, и каждый в ней посвящает свои свободные минуты своим близким, все-таки ему должно быть выделено пространство и предоставлена свобода для своей деятельности. Семья – это то место, где можно собираться вместе без особых случаев, праздников и проводить вместе время, это безопасное место, в которое можно вернуться, когда что-то не получилось, вас примут, выслушают, поддержат, посоветуют.

Гибкость в решении семейных проблем – путь к счастью и ощущению комфорта. В каждой семье устанавливается свой порядок, режим дня, структура, правила. Но слишком много порядка и правил может привести к ухудшению отношений и появлению обид.

Важно привить членам семьи чувство уважения друг к другу. Между уважением и чувством страха существует очень тонкая грань. Уважать другого – значит принимать его чувства, мысли, потребности, предпочтения. Уважение, как ценность семьи, распространяется из дома в школу, на работу и другие общественные места, где человек сталкивается с людьми.

Честность образует глубокую связь между членами семьи. Поощряйте честность, практикуя понимание, уважение любых поступков, которые совершают ваши близкие. Если вы будете сердиться на то, что произошло, вероятнее всего, в следующий раз от вас скроют информацию.

Необходимо научиться прощать людей, которые обидели вас. Все делают ошибки. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на обиды. От обидчика вам стоит получить ответы на все волнующие вас вопросы и сделать выбор – принять, простить, отпустить и идти дальше.

Учитесь быть щедрыми на внимание, любовь, время, общение, даже на некоторые ваши материальные владения.

Общение – отдельное искусство. Передача информации, чувств — важный элемент становления семейных отношений. Когда люди чувствуют, что легко и открыто могут выражать свои мечты, надежды, страхи, успехи, неудачи, то это способствует только укреплению брачных уз. Отсутствие общения приводит к тому, что малые вопросы перерастают в более крупные, которые заканчиваются ссорами, избеганием, разводом.

Все мы хотим казаться для других ответственными людьми. Некоторые из нас более ответственные, другие – менее ответственные. Чувство ответственности не требует много подталкиваний, чтобы выполнить работу вовремя и правильно.

Будьте примером для подражания. Взрослые выступают примером для своих детей. Они передают им свои навыки решения проблем, совместной работы, общения и др. Оцените свой вклад в развитие и укрепление ваших семейных уз. Хотя семейные отношения основаны на сильных кровных связях, все же в большой семье с течением времени чувства близости ослабевают, поэтому необходимо дополнительно прилагать усилия и уделять время для сохранения крепких семейных уз.

(448 слов)

(По В. Сухомлинскому)

29. Сказка не может умереть

Однажды я услышал разговор двоих. Одному было семь лет, а другому лет на сорок больше.

— Ты читал «Тома Сойера?»

— Нет.

— А «Вия?»

— Нет.

— Счастливый, – вздохнул с завистью старший.

И правда, можно было позавидовать. Мальчишке только еще предстояло наслаждение смеяться вместе с озорным Марком Твенем. Он только еще будет глазами, расширенными от ужаса и восторга, впиваться в строчки гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Все это впереди. Важно лишь не упустить минуты и вовремя прочесть все эти прекрасные книги.

По-моему, какой бы интересной ни была домашняя и школьная жизнь ребенка, не прочти он этих драгоценных книг – он обворован. Такие утраты невосполнимы. Это взрослые могут прочесть книжку сегодня или через год – разница невелика. В детстве же счет времени ведется иначе, тут каждый день – открытия. И острота восприятия в дни детства такова, что ранние впечатления могут влиять потом на всю жизнь. Вот почему и страшно потерять напрасно хоть час в пору этих золотых лет. Представьте себе, что годков через десять с бывшим первоклассником, с тем самым, которому мы позавидовали, состоялся бы такой разговор:

— «Войну и мир» читал?

— Смотрел в кино.

— А «Белые ночи»?

— Тоже. Не понравилось. «Дама с собачкой» лучше.

Тут уж никто бы не позавидовал девственной нетронутости ума и несомненной примитивности чувств своего собеседника. Мы бы, скорей всего, ужаснулись: «Неужели книги не научили его чувствовать, думать? Неужели он прошел мимо них?!»

Хорошая, вовремя прочитанная книга может иногда решить судьбу человека, стать его путеводной звездой, на всю жизнь определить его идеалы.

Как-то я побывал в тех местах, где дед Мазай спасал несчастных зайцев. Ребята, с которыми я разговорился в одной из деревень, рассуждали о космических кораблях, о полете на Луну, о событиях в мире. Но когда я заговорил с ними о Некрасове, напомнил строки, где поэт описывает их родные места, ребята замялись и никто, увы, не смог прочитать наизусть из «Деда Мазая» ни одного четверостишия. Я с горечью подумал: а не была бы богаче их душа, если бы наряду с тем, что они знают о науке, технике и политических событиях, они знали бы еще и стихи – много стихов! – Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Фета, Тютчева, Блока и других замечательных русских поэтов.

Без некоторых книг, не пережитых в детстве и отрочестве, сущность человека со всей его психологией останется грубой и неотесанной.

Какие же это книги? Прежде всего – сказки! Сколько в них поэтической прелести, художественного совершенства! Народные сказки всегда развивали чувства справедливости в человеке, ненависти к злу, будили воображение, фантазию. Вспомним Пушкина, который, уже знаменитым поэтом, с удовольствием слушал сказки няни Арины Родионовны. Человек без фантазии и без чувства юмора – полчеловека. Фантазия побуждает людей делать открытия, фантазия окрыляет и ведет за собой. Сказка, прежде всего, развивает именно фантазию, воображение. Каждый народ богат своими сказками; лучшие из них, переведенные на все языки мира, стали добрыми спутниками детей. Сказка не может умереть.

(453 слова)

(По С.В. Михалкову)

Сергей Владимирович Михалков (1913-2009) – советский русский писатель, поэт, баснописец, драматург, публицист, военный корреспондент, сценарист, общественный деятель, автор текстов гимнов Советского Союза и Российской Федерации, председатель Союза писателей.

30. Счастье

«Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженным!» Этими словами, уже такими хрестоматийными для нас, заканчивается роман братьев Стругацких «Пикник на обочине». Главный герой, почти добравшись до Золотого Шара, который исполняет любые желания, никак не может понять, что нужно ему для счастья. Что просить? Материальных благ? Славы? Любви? Талантливых детей? Какое чудо должно произойти, чтобы ты ощутил, как в пленённой радостным чувством душе, словно весенний цветок, прорастает счастье?

Что вам необходимо, чтобы стать счастливым? Попробуйте задать этот вопрос друзьям – они смутятся и станут шутить, намекая на неуместность такого «детского» вопроса, пришедшего откуда-то из сказочного мира. Им покажется нелепым серьёзно дискутировать и размышлять на тему счастья, так как даже понятие это для них сродни лжи и вымыслу.

Но на самом деле мы все уже достигли своего Золотого Шара. Наш Золотой Шар – это жизнь. Просто тот момент, когда мы определяем свой путь и ищем двери, которые собираемся открыть, не выделен в отдельный эпизод, не отмечен в нашем жизненном календаре красным цветом. Наш выбор происходит стихийно, незаметно; осознанно или нет, мы все влечёмся к тому, что, как нам кажется, сделает нас счастливыми.

Но раз мы не формулируем чётко ни целей, ни значения, которое вкладываем в понятие счастья, то и движемся мы к нему, как в тумане, полусознательно, внушая себе, что наш бездумный, слепой путь, каким птицы возвращаются после зимовки домой, – это и есть дорога к счастью.

Кто-то считает, что счастья нет. Есть вечное движение, достижение очередной цели, а затем краткие минуты покоя, и снова – в путь. Может быть, в этом проблема – не ощущать счастливых мгновений отдохновения, вечно рваться вперёд, думая: а вот там, за следующим поворотом, я, наконец, буду счастлив! Здесь и находится ловушка, лукавый выбор, поймавший нас в западню. Жизнь уложена в прокрустово ложе, жизненный путь размечен, жизненные тропы уже заасфальтированы, кругом стоят указатели, регулировщики машут палочками – не заблудишься. Двигаясь по этой дороге, человек чего-то добивается – тогда его называют успешным; если у него нет высокооплачиваемой работы, его считают неудачником. Но обратите внимание: его называют, его считают... Мнение общества, мода определяют путь человека к счастью. Но если жизненный успех кто-то считает синонимом счастья, то это вовсе не значит, что точно так же должен думать другой.

Мы считаем главными ценности, признанные обществом. А потом разочарованно спрашиваем себя: «И что же? Ну, достиг я того, другого... А где счастье?» Этот вопрос чаще всего появляется не потому, что нам нужно всё больше и больше, а потому, что нам нужно что-то другое. Может быть, то, что находится совсем рядом. Но мы, задрав голову вверх, не видим, что оно рядом. Помните, у Бунина: «А счастье всюду...» Но мы, ослеплённые недостижимым, идём вдаль и мнём, как полевые цветы, то, что находится прямо под ногами, совсем рядом.

(439 слов)

(По Н. Агафонову)

Николай Викторович Агафонов (род. в 1955 г.) – протоиерей Русской православной церкви, клирик Петропавловского храма города Самара. Известный православный писатель. Член Союза писателей России.

Игры в «дочки-матери», «Наш дом», «Наши родители» и так далее – это первая детская школа семейной педагогики. Подрастая, дети участвуют в выполнении родительских функций: это и домашний труд, и забота о младших, и любая помощь родителям, и непременно – заработанные детьми деньги. С какого возраста дети должны включаться в добывание средств, решит каждый родитель по-своему. Важно, чтобы в труде росла и крепла личность будущего отца и будущей матери новой семьи. Дети природой и культурой как бы приурочены к семейной жизни. Эта приуроченность, возможно, самое лучшее, что есть в наших детях. С особенной силой формируются семейные начала и привязанности у девочек. Эти начала и привязанности приводят уже в девичестве к нравственному максимализму, к той человеческой нежности, которая особым образом соединяется в женщине с нравственным императивом, с всегдашней готовностью положить на карту все. До конца следовать избранному пути. Жить и надеяться, даже тогда, когда нет, казалось бы, надежды.

Кто знает, может быть, от воспитания, может быть, от педагогической моей деятельности, а может быть, и от девятнадцатого века русской литературы, – только всегда, особенно в школьной практике, я был свидетелем той девичьей нравственной радикальности, которая жила в моих ученицах, – и эта радикальность была связана с готовностью пожертвовать собой, и эта радикальность всегда была чуточку затаена, чуточку спрятана, она редко произносилась вслух. Вспоминаю невольно слова Достоевского из дневника: «Женщины еще послужат нашему отечеству в трудную минуту!!!» – это после встречи с декабристами в Тобольске. А женщины у Толстого и Тургенева? Веками формировалось в народе светлое, матерински любящее беззаветное женское чувство. И яркость этого чувства запечатлена в максимах, изложенных В. А. Сухомлиным:

«Девушка! Будь мудрой и требовательной в любви. Любовь – горячее чувство, но властвовать над сердцем должен ум. Для девушки это особенно важно. Ты – будущая мать. Природой и обществом на тебя возложена особая ответственность. Ты женщина, а настоящая женственность – это сочетание нежности и строгости, ласки и несгибаемости. Твоя мудрость, сдержанность, требовательность – могучие воспитатели юношества. Мудрость женщины воспитывает честность мужчины. Любовь и легкомыслие несовместимы».

И требования к будущему мужу и отцу:

«Будущий муж и отец, знайте, что важнейшей школой воспитания вашей духовной культуры в браке является ваше отношение к женщине – жене, матери своих детей, своей матери».

Отношение к женщине – тончайшая мера побуждения совести. Умей любить мать своих детей умей дорожить ее здоровьем, красотой, честью. Умей защищать и оберегать ее от болезни, изнурения, несправедливости. Честь твоей жены и матери твоих детей – это честь твоего рода».

Хам в отношении к женщине – хам во всех отношениях. Уважать женщину – значит уважать жизнь».

И требования к супружеской жизни:

«В браке ни на минуту не прекращается взаимное воспитание и самовоспитание. Одна из граней счастья в браке в том и заключается, что муж и жена становятся духовно богаче, духовное совершенствование доставляет большую радость и обеспечивает полноту жизни».

Крайне важно, что в семейной педагогике В. А. Сухомлинского проблема любви решается в неразрывной связи с культурой общения и эмоционально-эстетическим развитием личности.

(Ю.П.Азаров)

Юрий Петрович Азаров (1931 —2012) — русский художник, писатель, доктор педагогических наук, профессор, действительный член двух академий (творческой педагогики и экономической безопасности), член Союза писателей России.

У счастья нет единого точного определения, и мы часто опрощаем его, смешивая с удовольствием. Однако удовольствие стремится к удовлетворению, счастье же неразрешимо. Человек чувствует счастье при служении цели, от служения, а не получает в итоге служения, как награду. Счастье — не осуществление чуда, счастье — присутствие чуда.

Счастье есть непрменная принадлежность уникального, ни в ком не повторяемого человеческого предназначения, неотделимая его составляющая. Счастье есть чудесное излучение смысла жизни, указывающее на единственный путь человека и не затрагивающее путей чужих. Излучение счастья не падает вовне, оно даёт глубоко внутренний, личный свет, видимый одному тому, кому он адресован.

Счастью нет источников, кроме смысла жизни, нет ему субститута, нет эрзаца. Дерзкие волевые приказы, ухищрения натренированного разума не создадут чувства, годящегося вместо счастья, не прекратят неустранимого стремления человека жить осмысленно, и тот, кто отказался от своего пути, будет по-прежнему рассчитывать на счастье. Надежда обрести счастье вступит у него в конфликт с невозможностью жить счастливо, ибо при выборе чужого пути личный смысл остаётся в стороне, и, значит, в стороне остаётся счастье. Чужая дорога ведёт к бессмысленному существованию, проходящему под знаком посторонней, заимствованной цели, а в бессмысленном, пустом существовании не может быть счастья, так как нет источника для его излучения.

Человек, мнящий, будто он вправе выбрать, назначить себе дорогу из множества дорог, не столько обкрадывает кого-то, сколько ворует у себя. Он оставляет позади, утрачивает на мнимом распутье главное. Он отнимает у себя то, к чему расположено его сердце и склонен ум, лишает себя того, что открылось ему некогда как основное и всеохватывающее занятие, которому следовало посвятить жизнь. Не осмеливаясь поступить по-своему, отправиться за собственным смыслом, а пуще опасаясь упустить преимущества, какими бойко и изобретательно воспользовались окружающие, наследившие с краю чужих дорог, он поддаётся соблазну головокружительного выбора, кажется, и созданного ради того, чтобы человек не ошибся, чтобы мог взять себе занятие такое, что оказалось бы ещё лучше, счастливее, главнее главного...

Нельзя выбрать смысл жизни, назначить его себе, переменить, как костюм, нельзя окунуться в смыслы, как в морские волны, нельзя поставить, как в казино, на подвернувшийся смысл, будто бы выигрышный. Человек не вместилище множественных смыслов, но проводник смысла единственного, и выбор для человека — не благо, а опасное искушение, за которым зияет выход в несчастье.

Смысл жизни, верный свой путь человек должен найти, обнаружить, но не выбрать, не предпочесть. Выбор — порождение разума, он рационален и механистичен, его может сопровождать успех, но никогда ему не сопутствует счастье.

Выбравший — несчастлив, нашедший — счастлив.

Человек, неосознанно или сознательно гасящий лучи своего счастья, истребляющий в себе личное предназначение, со временем разлагается духовно, уничтожает себя как личность, предается отупляющим ощущениям несостоятельности и абсурдности бытия.

Человек, не ослеплённый блеском выбора, не приемлет иного пути, нежели тот, что ему предназначен. Чужой дороги он страшится больше смерти, ибо и смерть счастлива лишь на дороге своей. Если же наступает в жизни этого человека день, когда он спрашивает себя: выбрать ему и выжить или найти и умереть, то и здесь нет для него противопоставления, нет выбора: правильным будет только умереть.

(477 слов)

(О.А.Чувакин)

Олег Анатольевич Чувакин - прозаик, критик. Номинант литературных премий: международного конкурса В. П. Крапивина, им. В.П. Астафьева. Лауреат конкурса «Литературная критика».

Главная книга. У каждого писателя есть главная, та единственная, ненаписанная книга, которая терпеливо-медленно оформляется, будто выкристаллизовывается по частям, по страницам из накопленного душевного опыта. Это как бы вторая жизнь писателя, внутренняя, сложная, мучительная. Здесь на каждом шагу возникают опасения и колебания: а это ли главное, выношенное, нужное людям? А может быть, то, что ты знаешь, чувствуешь, что накопилось в тебе и рвется на бумагу, - лишь тусклый отблеск необъятной в своих вариантах жизни, неясный отпечаток человеческой правды?

Если бы писателю удалось однажды написать эту Главную книгу, высказав в ней все, он, вероятно, больше бы не писал ничего, ибо высказал самое нужное, самое сокровенное. Но человеческой жизни часто не хватает для этой Главной книги.

Под Главной книгой, должно быть, надо понимать произведение (роман, повесть, дневник, записки, стихи), освещенное ярким индивидуальным чувством художника, где люди в событиях и события в людях.

Главная книга - это откровение о себе и это книга, в которой ясно и подкупающе должны проступить все черты характера пишущего. Это необычный взлет высокой души и это исповедь и писателя и его поколения. Это фиксирующее проникновение в настоящее и добрый взгляд вперед, ради чего было и прошлое и есть настоящее. Главная книга - это книга самой большой помощи людям, это сердце, положенное на бумагу: смотрите, я люблю людей, я воюю и борюсь за добро, возьмите меня, это должно вам помочь...

Эта книга может охватывать всю нашу эпоху или одну страничку ее, один абзац. Дело не в объеме, не в размере - ведь речь идет о самом главном.

Бывает так, что вы идете домой, торопитесь и испытываете странное ощущение радостного нетерпения, будто вас ждет старый, вернувшийся издалека, умный друг. Этот друг - книга. Вы читаете ее не залпом, не сразу. Вы читаете ее не спеша, по нескольку раз одну и ту же страницу, как перечитывают письма разделенные расстоянием любящие.

Такова книга Ольги Берггольц «Дневные звезды». Читая, я вступал в мир знакомый и незнакомый мне, видимо, это чувство бывает, когда вспоминаешь что-то, когда писатель раскрывает душу перед тобой и рассказывает все, что ты знаешь и не знаешь о какой-то странице нашего времени.

Книга пропитана ощущением, звуками и запахами революционной эпохи, счастьем и болью, уверенностью в прекрасности человеческого дерзания, невысказанного без стремления к лучшему, книга написана отличным пахучим, доверительным языком, и она оставляет после прочтения тот "отсвет лирической интонации", который часто присущ настоящим поэтам, когда они берутся за прозу.

Книгу, ставшую умным вашим другом, хочется цитировать, ибо эти цитаты не утомляют. Ольга Берггольц заканчивает «Дневные звезды» так:

«Я раскрыла перед вами душу, как створки колодца, со всем его сумраком и светом. Загляните же в него! И если вы увидите хоть часть себя, хоть часть своего пути – значит, вы увидели дневные звезды, значит, они зажглись во мне, они будут все разгораться в Главной книге, которая всегда впереди, которую мы с вами пишем непрерывно и неустанно...»

(499 слов)

(По Ю.В.Бондареву)

Ю́рий Васильевич Бондарев (род. 15 марта 1924) — русский советский писатель и сценарист. Член Союза писателей СССР. Участник Великой Отечественной войны. Герой Социалистического Труда (1984), лауреат Ленинской (1972) и двух Государственных премий СССР (1977, 1983).

34.

Люди всегда благодарны тем, кто нашёл в себе мужество и силы совершать великое. Человеческая память хранит имена героев и их свершения.

Николай Пржевальский променял великосветский Петербург, парады и банкеты на тишину пустынь, дым костров, стоптанные сапоги, голод и жажду. В его честь Академией наук была выбита специальная медаль...

Молодой кандидат медицинских наук Анатолий Шаткин привил себе вирус трахомы, чтобы другие люди никогда не болели этой ужасной болезнью! И это тоже настоящий подвиг!

Но ведь не все могут быть путешественниками или работать с вирусами трахомы. Ведь кто-то должен водить такси, печь хлеб, стоять у станка или считать деньги в сберегательном банке.

А как же подвиг?

И всё же мне кажется, что есть место подвигу в любой обстановке и при любых занятиях. Вспомните жизнь Александра Селькирка (прообраз знаменитого Робинзона Крузо) на необитаемом острове, с его победой над самим собой, над страхом, над малодушием, над ленью, над желанием закрыть глаза и ждать смерти. Положение, в котором оказался этот человек, тоже необычное, но ведь бороться с собой, со своей ограниченностью, со своими пороками, с опустошённостью и равнодушием можно и нужно и не только на необитаемом острове.

Если вы попробуете победить себя, то вам станет понятно, что такое подвиг.

Человек в основе своей всегда устремлён к хорошему. Надо только вовремя уметь поддержать или подправить того, кто стал уходить от этого стремления. Мы живём в большом мире, и надо уметь любить людей, которые тебя окружают, отдавать им богатство ума и сердца, и они, без сомнения, отплатят тебе тем же.

Жизнь пестра и разнообразна. На одном её полюсе - горение и мужество, на другом - тунеядство и трусость. На одном - высокий порыв, жажда знаний, на другом - равнодушие, пошлость, мещанство. Перед каждым вступающим в жизнь встают эти полюса, и к какому полюсу человек пойдёт, зависит от него самого.

(309 слов)

(По Н.Дубинину)

Николай Николаевич Дубинин (1928-2008) — советский педагог-новатор, методист, Народный учитель СССР, Заслуженный учитель школы РСФСР.

Философ Руссо, написавший самую откровенную книгу в истории человечества, где не просто рассказал о себе, о своих положительных и плохих качествах, рассказал о своих стыдных поступках, он всего открыл себя, написав сверху: «В коже и без кожи». В этой книге он написал: «Я такой, как и все, и я ни на кого не похож». Это очень глубокое замечание: человек, во-первых, такой, как и все другие люди, а во-вторых, он индивидуален, он один такой и другого такого же нет. Но надо иметь в виду и то, что другому меня не так легко понять...

Вот правила уличного движения все понимают одинаково, кроме тех, кто их не учил. А Пушкина все понимают одинаково? Нет, все по-разному. И не говорите, что одни его понимают правильно, а другие — неправильно. Пушкин перед каждым выступает так, как будто он сейчас и именно для него написал. И вы всё время имеете возможность разговаривать с гениальным человеком, который сам хочет вам что-то сказать. Только откройте уши, только будьте внимательны! Главная беда нашего века состоит в том, что у нас закрыты глаза и уши.

Жизнь каждого человека проходит в неких изолированных кругах. Один живёт в маленьком кружке, другой — в круге побольше, третий — в ещё большем. Величина вашего круга определяется многими признаками: что вам любопытно, что вы знаете, что вас интересует и — ещё один и очень важный — что вам больно? Одному, например, больно, когда его ударят, а другой на это только скажет: ну, по морде, это не опасно, лишь бы не убили. Круг побольше, когда человек на оскорбление отвечал дуэлью и говорил, что оскорбление хуже, чем смерть: смерть не может унижить человека, а оскорбления я не перенесу. Другой скажет: я не перенесу оскорбления людей, которых я люблю: я не дам обижать моих детей, не дам оскорблять свою мать, но вот чужого человека... Когда больно от чужой боли — это и есть самый большой круг, круг культурного человека.

Жизнь требует от человека очень многого. У него возникает множество ситуаций, когда появляется возможность выбора: поступить одним или другим способом. Не бывает обстоятельств, когда нельзя поступить иначе. А если у нас такие обстоятельства всё-таки находятся, значит, у нас нет совести. Совесть — это то, что диктует, как поступить, когда есть выбор. А выбор есть всегда... Итак, чему же учатся люди? Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести. Это три предмета, которые необходимы в любой Школе и которые вобрало в себя искусство. А искусство это по сути своей Книга Памяти и Совести. Нам надо только научиться читать эту Книгу.

(422 слова)

(По Ю. Лотману)

Юрий Михайлович Лотман (1922 — 1993) - советский и российский литературовед, культуролог и семиотик.

Наше общество стало особенно остро реагировать на нравственные проблемы, стремясь решить их в духе нашей морали, которая должна вобрать в себя все лучшее, что завоевано и выстрадано всеми предшествующими духовными исканиями человечества, и обогатить эту сокровищницу.

Остановитесь, видя чужое горе и чужую обиду! Заповедь «Человек человеку друг, товарищ и брат» ни в коем случае не должна оставаться механически повторяемой фразой. Выполняя эту заповедь, мы поступаем в соответствии и со своей совестью, и с непреложным нравственным законом. Но как быть с теми, кто тысячу раз слышал: «Остановись перед чужой бедой», десятки раз сам произносил эти слова, а действовал и действует вопреки им?

Если гражданин видит опасность, угрожающую другим людям, он обязан сделать все, что может, чтобы эта опасность была устранена. Бездействие — преступление.

Сострадание — активный помощник.

Но как быть с теми, кто не видит, не слышит, не чувствует, когда больно и плохо другому? Постороннему, какими они считают всех, кроме себя, да, может быть, своей семьи, к которой, впрочем, тоже часто равнодушны. Как помочь и тем, кто страдает от равнодушия, и самим равнодушным?

С самого детства воспитывать — прежде всего, самого себя — так, чтобы отзываться на чужую беду и спешить на помощь тому, кто в беде. И ни в жизни, ни в педагогике, ни в искусстве не считать сочувствие размагничивающей чувствительностью, чуждой нам сентиментальностью.

Сочувствие — великая человеческая способность и потребность, благо и долг. Людям, такой способностью наделенным или тревожно ощутившим в себе ее недостаток, людям, воспитавшим в себе талант доброты, тем, кто умеет превращать сочувствие в содействие, живется труднее, чем бесчувственным. И беспокойнее. Но их совесть чиста. У них, как правило, вырастают хорошие дети. Их, как правило, уважают окружающие. Но даже если это правило нарушится и окружающие их не поймут, и дети обманут их надежды, они не отступят от своей нравственной позиции.

Бесчувственным кажется, что им хорошо. Они-де наделены броней, которая защищает их от ненужных волнений и лишних забот. Но это им только кажется, не наделены они, а обделены. Рано или поздно — как аукнется, так и откликнется!

На мою долю недавно выпало счастье познакомиться со старым мудрым врачом. Он нередко появляется в своем отделении в выходные дни и в праздники, не по экстренной необходимости, а по душевной потребности. Он разговаривает с больными не только об их болезни, но и на сложные жизненные темы. Он умеет вселить в них надежду и бодрость. Многолетние наблюдения показали ему, что человек, который никогда никому не сочувствовал, ничьих страданий не сопереживал, очутившись перед собственной бедой, оказывается не готовым к ней. Жалким и беспомощным встречает он такое испытание. Эгоизм, черствость, равнодушие, бессердечность жестоко мстят за себя. Слепым страхом. Одиночеством. Запоздалым раскаянием.

(436 слов)

(По С.Л.Львову)

Сергей Львович Львов (1922 — 1981) — русский советский писатель, журналист, литературный критик.

Веками люди искали ценности в своем существовании. И со времен полубезьяньей своей дикости наверняка ценили доблесть и стойкость в сородичах. Так появились у людей вожаки, затем атаманы, а со временем и короли.

Люди, увы, всегда разделялись на носителей высокого статуса – с одной стороны, на подлецов и интриганов – с другой, и на пассивную массу середнячков: мелкоплавающих, «бесполётных», обычных, с невеликими запросами исключительно для себя. Так БЫЛО, так ЕСТЬ, и долгое время еще БУДЕТ.

И новые поколения, вступая в большую жизнь, неизбежно делились и продолжают делиться на указанные три разряда – их понуждает к тому жизнь. Но прежде чем примкнуть к одному из указанных разрядов, многие молодые проходят мечтательный и сложный цикл самоопределения и самооценки: ищут ориентиры, стараясь реализовать свои мечты и фантазии о будущем СВОЕМ статусе. «Крылатые» частенько ломают крылья, «ползающие от рождения» быстро находят свою нишу, стараясь урвать у жизни всё, что плохо лежит или слабо охраняется.

Но вся эта жизненная кутерьма, по-моему, не стоит ногтя на мизинце одной-единственной, великой, несравненной человеческой ценности – ДОСТОИНСТВА. Мы редко встречаем по-настоящему достойных людей. Потому, наверное, что достоинство – это своего рода талант, данный человеку Богом. Его невозможно купить, найти, получить в подарок, выиграть в лотерею. Оно либо есть – либо его нет. Человек, «предрасположенный» к достоинству, предрасположен к нему, видимо, генетически, и никак не иначе. Потому что: иного и бьет жизнь, и корежит, но он на всё идет ради сохранения собственного достоинства. Другому и богатство в руки, и возможности, и воспитание – он все равно упорно остается мразью. Увы, ни богатство, ни признание, ни путешествия, образование, любовь сами по себе не стоят ничего, если в основе человека не лежит его достоинство. Только достойным людям живется непросто, но рядом с ними окружающим, как правило, комфортно, потому что достойный человек никогда не потеснит чужого «я», не станет источником подлости, низости либо предательства. Его щит – достоинство – обладает двусторонним действием: предохраняет не только его самого от внешних деструктивных атак, но и окружающих бережет от бесконтрольного выброса его, человека, эмоций.

А порой приходится сталкиваться с некой противоположностью человеческого достоинства. И тогда думаешь: «Господи! Чего ж ты, человеке, столь низко пал? Почему не дорожишь своим предназначением?». Вот эти мысли чаще всего и приходят мне в голову.

(374 слова)

(По Ю. Золотарёву)

Юрий Золотарёв (род. в 1948 году) – публицист, эссеист, поэт, песенник, живёт и работает в Таллине.

Во время одной из записей рассказа о блокадных днях Ленинграда возник разговор, поразивший нас. Рассказывала женщина, слушали её дочь, зять, внуки.

Та запись, о которой идёт речь, была нелёгкой, рассказ был тяжёлым, и, видимо, младшим все эти подробности о бедах их семьи были неизвестны. Они слушали внимательно, напряжённо. Первым не выдержал зять. Он воскликнул:

- Зачем, ну зачем нужны были такие страдания? Сдать надо было город. Избежать всего этого. Для чего людей было губить?

Время, минувшие десятилетия незаметно упрощают прошлое, мы разгадываем его как бы сквозь нынешние нормы права и этики. В западной литературе мы встретились с рассуждением уже иным, где не было недоумения, не было ни боли, ни искренности, а сквозило скорее самооправданием капитулянтов. Там сочувственным тоном вопрошают: нужны ли были такие муки безмерные, страдания и жертвы подобные? Оправданы ли они военными и прочими выигрышами? Человечно ли это по отношению к своему населению? Вот Париж объявили же открытым городом... И другие столицы, капитулировав, уцелели. А потом фашизму сломали хребет, он всё равно был побеждён – в свой срок...

Мотив такой звучит напрямую или скрыто в работах, книгах, статьях некоторых западных авторов. Как же это цинично и неблагодарно! А не потому ли сегодня человечество наслаждается красотами и историческими ценностями Парижа и Праги, Афин и Будапешта, да и многими иными сокровищами культуры, и не потому ли существует наша европейская цивилизация с её университетами, библиотеками, что кто-то себя жалел меньше, чем другие, кто-то свои города, свои столицы защищал до последнего в смертном бою, спасая завтрашний день и всех людей? И Париж для французов, да и для человечества спасён был здесь – в пылающем Сталинграде, в Ленинграде, день и ночь обстреливаемом, спасён был под Москвой... Той самой мукой и стойкостью спасён был, о которых повествуют ленинградцы.

Когда европейские столицы объявили очередной открытый город, была, оставалась тайная надежда: у Гитлера впереди ещё Советский Союз. И Париж это знал. А вот Москва, Ленинград, Сталинград знали, что они, может быть, последняя надежда планеты... Москва и Ленинград обрекались фашистами на полное уничтожение – вместе с жителями.

Но подвиг ленинградцев вызван не угрозой уничтожения. Нет, тут было другое: простое и непреложное желание защитить свой образ жизни. Мы не рабы, рабы не мы, мы должны были схватиться с фашизмом, стать на его пути, отстаивать свободу, достоинство людей.

Вот в чём оправдание и смысл подвига Ленинграда, вот от чего ленинградцы и все наши люди спасали себя и человечество, от каких жертв и мук, ради чего шли на любые страдания, мучения, даже не помыслив об «открытых» городах.

Чтобы оценить это, надо ощутить меру испытаний, вынесенных нашим народом.

Сегодня новым поколениям, наверное, как раз и нужно как можно полнее, подробнее узнать, ощутить, что было до них. Надо же им знать, чем всё оплачено, надо знать о тех, кто сумел выстоять, об этих людях, не имевших оружия, которые могли лишь стойкостью своей что-то сказать миру. Надо знать, какой бывает война, какое это благо – мир...

(468 слов)

(По А.Адамовичу и Д.Гранину)

Александр (Алесь) Михайлович Адамович (1927-1994) — прозаик, литературный критик, сценарист, литературовед.

Даниил Александрович Гранин (1919-2017) — советский и российский писатель, киносценарист, общественный деятель.

Несмотря на огромные технические возможности разных средств, мы, по сути дела, привыкли жить каждый внутри себя.

Нам надо научиться общему языку — это первое. Легко иметь общий язык со своими единомышленниками — ну, правда, сейчас мало, по сути дела, единомышленников, но это нетрудно. Надо научиться говорить с другими людьми, которые совершенно иначе думают. Надо научиться ценить других людей за то, что они другие, совсем не требовать, чтобы они были похожи на нас. Ведь, Боже мой, если бы мы все были одни и те же, одинаковые, мы бы просто не выжили как биологическая единица.

Мы живем потому, что мы разные. Общество человеческое держится на различии между людьми, на том, что никто сам по себе не составляет даже части истины, а все мы вместе составляем путь к ней. Если бы мы были выполнены по самым лучшим рецептам, мы бы давно вымерли. Надо научиться ценить в другом человеке другого человека и надо обеспечить ему это право — быть другим.

У нас нет культуры ценить другого человека, мы все хотим, чтобы он был такой, как я, чтобы мне легче было с ним разговаривать. Но ведь прекрасно — он будет такой, как я, и мне будет легко с ним разговаривать, но зачем мне с ним разговаривать, если он такой, как я? Он мне не нужен. Минимальная разница, какую природа дала людям, — это разница пола.

Итак, прежде всего — уважать другого человека и давать ему возможность быть другим. Это совсем не означает, что этот другой человек будет антиобщественным. Он будет самым общественным, и весь педагогический опыт показывает, что чем менее люди уважают разницу между собой и другими, тем они менее общественны. Общество — это не набор солдат, это оркестр, где каждый инструмент ведет свою, самостоятельную мелодию. Ну, представьте себе огромный оркестр, играющий одну и ту же ноту, — зачем он нужен? Оркестр состоит в замечательном единстве разных голосов.

Мы воспитаны на нетерпимости к другому человеку, мы хотим только, чтобы нам было просто с ним общаться. Но ведь недаром говорят: простота хуже воровства. Надо уважать своеобразие, не пресекать его, начиная со школы. Ведь уже в школе люди уравниваются.

Ещё одна необходимая вещь — терпимость. И не только к тем, кто прав, умён и образован. Ко всем. И к тем, кто думает иначе, даже если он думает неправильно, даже если мне кажется, что он думает вредно. Но тут есть важная вещь — терпимость к мысли, а не к действию. Есть старое правило — рук не распускать. Человек имеет право на любую мысль, и сказать ему, что он думает неправильно, — значит лишить его мысли вообще. Но есть моральные, этические законы, понятные всем людям. Человек не имеет права на убийство. Не имеет права на проповедь убийства. И чем больше наши возможности в убийстве, тем сильнее должны действовать эти законы. Единственное, что может нас спасти, — полное запрещение вредного действия, полная запрещённость убийства. Не может быть оправданного убийства. Это обман. Не может быть убийства ради благой цели. Это обман. Мы уже этот период пережили. Мы — люди. Мы на одном корабле плывём, все вместе — и хорошие, и плохие, и праведные, и грешные, и разных национальностей, и разных вер — мы все плывём на одном корабле. И нам или плыть, или тонуть. Тонуть вместе всем. И на этом корабле споры необходимы, дискуссии нужны, нужна свобода дискуссий. Запрещены убийства! Запрещено пролитие крови, потому что тогда потонем все...

(531 слово)

(По Ю.Лотману)

Юрий Михайлович Лотман (1922-1993) — советский и российский литературовед, культуролог и семиотик.

В каждом человеке есть дурное и хорошее. Я не поверю, что возможен человек, который не мог бы понять, что такое быть тщеславным, или трусом, или эгоистом. Каждый человек может почувствовать в себе внезапное появление какого угодно двойника. В художнике это проявляется особенно ярко, и в этом – одно из удивительных свойств художника: испытать чужие страсти.

В каждом заложены ростки самых разнообразных страстей – и светлых, и черных. Художник умеет вытягивать эти ростки и превращать их в деревья. Нельзя описать третье лицо, не сделавшись хоть на минуту этим третьим лицом. В художнике живут все пороки и все доблести.

Очень часто спрашивают художника: «Откуда вы знаете? Это вы сами выдумали?» Да, художник все выдумывает сам. Конечно, нельзя ничего выдумать того, чего нет в природе. Но отношения у художника с природой такие, что она ему открывает некоторые свои тайны, она с ним более общительна, чем с другими. Образ труса я могу создать на основе чрезвычайно ничтожных воспоминаний детства, при помощи памяти, в которой сохранился намек, след, контур какого-то, может быть только начавшегося действия, причиной которого была трусость.

Можно написать книгу под названием: «Машина превращений», в которой рассказать о работе художника, показать, как те или иные жизненные впечатления превращаются в сознании художника в образы искусства. Это неисследованная область, область, которая кажется таинственной, потому что она еще не постигнута.

Работа этой машины – машины превращений – весьма чувствительна для всего организма. Движения ее не обходятся для организма даром, а отсюда – трудность быть художником.

Отношения с хорошим и плохим, с пороками и добродетелью у художника чрезвычайно непростые. Когда изображаешь отрицательного героя, сам становишься отрицательным, поднимаешь со дна души плохое, грязное, то есть убеждаешься, что оно в тебе – это плохое и грязное – есть, следовательно, берешь на сознание очень тяжелую психологическую нагрузку.

Я считаю, что историческая задача для писателя – создать книги, которые вызывали бы в нашей молодежи чувство подражания, чувство необходимости быть лучше. Нужно выбрать все лучшее в себе, чтобы создать комплекс человека, который был бы образцом. Писатель должен быть воспитателем и учителем.

(323 слова)

(По Ю.Олеше)

Юрий Карлович Олеша (1899-1960) — русский советский писатель, поэт и драматург, журналист, киносценарист.

Вот они безмолвно стоят перед нами, книги. Дома ли, в библиотеке ли, в чужой ли квартире, на прилавке. Если бы книги могли кричать! Если бы они сами обладали способностью заставлять читать себя! Какими бы мы все были умными и добрыми людьми!

Молчат книги. Сверкает экран телевизора, требует внимания радио, манит афишей кино. Книги молчат. Нет ничего на свете терпеливее их, послушнее, безропотнее. Самые значительные книги были забыты, небрежно брошены на чердаки, в чуланы, в подвалы. Книга все стерпит, погибнет, не издав ни стоны. Столетиями будет ждать своей очереди и неторопливо раскроется в незнакомых руках, ничем не выдавая своего волнения. Книги не жалуются, когда их не читают, и не радуются, когда их открывают. Полные страданий, мудрости, улыбок, иронии, лукавства, гнева, живые, каким и не всякий человек может быть, книги замирают на полках. И все-таки они кричат. Услышим их.

Великая это радость – жить на земле еще и читателем. Что ищем мы под книжным переплетом? Зачем открываем его?

Ищем наслаждения. Ищем ответы на то, что мучит нас, может быть, бессознательно мучит. Ищем мудрости. И развлечения ищем – книга и развлечение дает. Ищем, конечно, и знания. Мы хотим, чтобы книга рассказала про нас самих, и ищем в ней примеры, по которым мы могли бы определить свои цели. Что хорошо, что плохо, что зло и что добро – об этом мы тоже узнаем из книг. Мы ищем в книгах друзей. Ни один живой человек не раскроет нам свою душу с такой искренностью, как герой хорошей книги.

Безучастное перелистывание страниц, холодное наблюдение за происходящим в книге – это не чтение. Любование искусством писателя и поэта, смакование слова и сочетаний слов, восторг по поводу удачного выражения, изумление перед мастерством изображения и описания, волнение, вызванное глубиной мысли, – вот чтение.

Что же определяет художественность книги? Как научиться отличать хорошую книгу от плохой? Укрепляющей вкус от расслабляющей?

Не слово, не стиль определяет в конечном счете качество книги, а ее направленность, напор идей, насыщенность содержанием. Говорят – «пустая» книга. Как же «пустая»? В ней триста страниц текста! Но автору нечего было сказать такого, чего не знали бы до него. Бывало и по триста, и по тысяче страниц написано и напечатано, но в них – пустота, идейная и художественная.

Лишь очень немногие книги всегда достойны внимания истинного читателя. Такие книги называются классическими.

(385 слов)

(По С.Соловейчику)

Мелочная возня каждодневных суетных дел способна свести с ума даже самого уравновешенного человека. Жизнь современного цивилизованного общества накладывает довольно жесткие рамки необходимости на сферу так называемой свободы человека. В мегаполисе человек свободен только в том, чтобы соответствовать и подчиняться идеалу городского жителя.

Но что значит быть городским жителем?

Жить среди машин, обживать пространство вокруг себя, которое отчуждено и механизировано. Городской житель — раб своих машин, однако воображает обратное: будто машины служат ему и делают его бытие более комфортным. Такой житель постепенно утрачивает связь с природой, да и вообще с живым. Истончается связь и с самим собой, поскольку машинерия развращает человека, приучая его к пассивности, все сделает машина, справит любые дела и решит проблемы: только научись нажимать нужные кнопки. Все мы учимся только тому, чтобы правильно нажимать на кнопки, к стыду своему, до сих пор не обнаруживая таковых на своем теле. Но они должны быть, и скоро, если их и не найдут господа ученые, то, по крайней мере, убедят нас в том, что человек есть один из механизмов — только и всего.

Но на вершине этих познаний остается экзистенциальный вакуум и пустота.

Однако и эта пустота никогда не бывает совершенно пустой. Может быть, окажись мы в полной пустоте, мы смогли бы услышать, как она звучит, — родилась бы подлинная поэзия. Но беда в том, что пустота всегда замусорена различными шумами суеты.

Жизнь заставляет нас шевелиться, чтобы не отдать окончательно концы. Жизнь городов приносит не размеренный гармоничный труд, но суету. Надо то, надо это, там что-то сломалось не вовремя, разумеется, — и все очень важно и необходимо. Жизнь утекает на важные дела, которые не составляют, к сожалению, главного и искомого.

Суета, словно ветряная мельница, рано или поздно открывается перед каждым человеком. Отправляясь таким донкихотом в длинный путь жизни, каждый человек искренне полагает, что на нем будет множество романтических приключений и небывалых историй. Однако при встрече с самой первой же ветряной мельницей наш герой надолго, если не навсегда, застрянет около нее. Суета только первый пробный камень испытаний на пути жизни. Ее нужно преодолеть, чтобы идти дальше. Ведь будут и другие мельницы.

Так что же нужно для того, чтобы преодолеть суету обыденности?

(364 слова)

(По Д.Миронову)

43.

Для стыда, для совести обязательно нужен другой.

Часто мы говорим или думаем о том, что встречаются люди, которые не ведают стыда. Нам они осложняют жизнь или, по крайней мере, настроение хотя бы потому, что у нас-то совесть есть, как нам кажется. На фоне их бессовестности бледнеет наша совесть, и она оказывается, как бы сказать, не в удел.

Мы спрашиваем себя: что же такое совесть?

И не находим ответа.

У кого-то она есть, но у некоторых ее нет и в помине.

Совесть в человеке проявляется тогда, когда рядом с нами появляется другой. Нам бывает стыдно перед другим. Когда мы что-то сделали неправильное в отношении нашей собственной жизни, есть чувство горечи, обиды, но не стыда. Мы не стыдимся сами себя. Наедине с собой нет совести, ибо себя мы привыкли прощать, ведь нам жить с собою дальше. Можно и презирать себя, но невозможно отвернуться от себя так, как мы отворачиваемся от бессовестных людей.

Совесть появляется только по отношению к другому. Другой на моем горизонте переиначивает меня: я вступаю в отношения с другим, и этот другой испытывает мое влияние на него. Я более не свободен, когда рядом другой. Другой заставляет меня думать не только о себе, но и о нем тоже.

Если я что-то сделаю не так по отношению к нему, будет не просто отделаться от ощущения своей неправоты, особенно если он не сможет мне ответить. Даже те, кто закрывают глаза на такой эмоциональный осадок, все равно подспудно знают о своем дурном, допущенном в отношении другого, и оправдываются разными обстоятельствами.

Но если быть более требовательным к себе, попытаться стать выше обстоятельств, тогда вы нащупаете щемящее чувство своей ничтожности. Вы сделали неблагоприятный поступок, а другой в это время промолчал, он ушел, а вы остались наедине, но не с собой, а с воображаемым им. Другой привнес частичку себя в вас, и теперь вы не один. Он принес вам весть. Вы прочитываете его весть в едином контексте своих вестей — и у вас образуется совесть. Отныне вы будете жить в диалоге с разными вестями, и каждый раз вы будете находить ту или иную совесть.

Совесть — это не то, что присутствует раз и навсегда, она вспыхивает яркими всполохами и исчезает. Таких вспышек за жизнь у каждого, может быть, и немного, но дай Бог, чтобы они были. Никогда не поздно включиться в прямую речь другого и попытаться прочесть его весть. И тогда появится шанс услышать то, что без него не зазвучало бы.

Совесть дает нам новое измерение с другим. Вряд ли мы сможем познать этого другого, но часть его пространства пересечется с нашим и оставит своей неизгладимый след, из которого будет произрастать цветок совести. Если ухаживать за ним, быть бдительным и внимательным, тогда есть шанс осознать в себе непостижимое человеческое начало, которое зовется совестью.

Тем же, кто еще не прикоснулся к этим плодам человеческого духа, можно позавидовать: у них еще все впереди.

(480 слов)

(По Д.Миронову)

Данила Андреевич Миронов (род. в 1977 г.) — врач, кандидат философских наук, поэт, публицист, эссеист.

Будни. Они сплошная беспробудность. Тягучая скука. Непрестанный шум, время от времени прерываемый очередной неудачей. О, плохое настроение! А понедельник — это прообраз будней.

Да, тогда дело с жизнью обстоит плохо! Но нельзя перекладывать вину за это на «жизнь». У тебя не хватает искусства жить; было бы глупо ожидать, что жизнь устроит тебе торжественный приём. Так что твори сам и преображайся, иначе будни одолеют тебя. А в жизни нет большего стыда, чем быть побеждённым — и не великаном, не могущественными врагами, не болезнью, а серую повседневностью существования. Итак — искусство жизни! Прежде всего: спокойно и мужественно смотреть в глаза врагу! Нам никогда не избавиться от будней. Они будут всегда. Они составляют материю нашей жизни. И если праздник служит лишь тому, чтобы, подобно молнии, осветить серость будней и обличить повседневность, то он нам вреден и мы недостойны его. Только тот заслужил радость праздника, кто полюбил свои будни. Как этого добиться?

Этого можно достичь, отыскав священный смысл в своей будничной работе, погрузив его в глубину сердца и осветив и воспламенив повседневность лучом его света. Это первое требование, даже первооснова искусства жизни. Что есть ты во Вселенной? Каковы твои деяния перед Отечеством?

Ты ещё этого не уяснил? Ты ещё этого не знаешь? Как же ты живёшь? Бессмысленно, слепо, тупо и бессловесно? Тогда легко постичь «сплошную беспробудность» твоих будней. И скуку, и плохое настроение, и всё им сопутствующее.

Нельзя слепо воспринимать ежедневный труд как лишённую смысла работу по принуждению, как галерную пытку, как муку от зарплаты до зарплаты. Надо одуматься. Надо понять серьёзный смысл своей профессии и заботиться о ней во имя её высокого смысла. Надо серьёзно отнестись к самому себе, а значит, и к собственной профессии, и к собственным будням. Будни остаются, но их необходимо преобразить изнутри. Они должны наполниться смыслом, ожить, стать многоцветными; а не оставаться «сплошной беспробудностью».

Бессмысленно — это безрадостно. Человек создан так, что не может жить безрадостно. Тот, кто кажется живущим без радости, непременно выдумал себе замену радости. Радость должна, однако, вырастать из повседневного труда, пусть даже только в том смысле, что трудишься всё лучше и лучше, повышаешь качество своего труда, перемещаясь тем самым вверх по ступеням совершенствования.

Если же ты нашёл высокий смысл твоего труда и радость в его качестве, сможешь ли ты и после этого говорить о «сплошной беспробудности»? Жизнь станет для тебя тогда светящейся нитью. И взлёт в твоей жизни обеспечен. Ведь радость высвобождает творческие силы, творческие силы создают качество, а качество труда вызывает радость от труда.

Посмотри: так твои будни попадают в добрый круг духовного здоровья. И теперь для тебя нет больше тягучих будней.

(424 слова)

(По И.А. Ильину)

Иван Александрович Ильин (1883—1954) — русский философ, писатель и публицист.

45. У войны не женское лицо

Вера Сафроновна Давыдова до войны успела окончить Московский историко-архивный институт, а точнее – дипломы им вручили шестого июля сорок первого года. Сразу же попросилась на фронт. С диверсионной группой была послана в тыл врага, прошла партизанскими тропами всю Беларусь. После войны работала в Институте истории партии.

«Как историк я долго занималась войной, – рассказывала Вера Сафроновна. – И, конечно, среди вопросов, которые я себе задавала, был и этот: что заставило женщину пойти на войну? Я думаю, что это наша национальная черта. Не может наша женщина купить ребенка, готовить обед, когда видит, что гибнет ее страна, гибнет ее народ. Ну, а во-вторых, к началу войны уже сыграла свою роль эмансипация, уравнение нас в правах с мужчинами.

Например, мы на второй день войны побежали из института в военкомат: «Забирайте нас на фронт!» Хотя представления не имели, что такое фронт, что такое война. Нас, конечно, отправили: «Идите и сдавайте государственные экзамены».

Мы сдали экзамены и пришли опять проситься на фронт... Хотя, конечно, война – это не женская работа. Вот мужчина превращал ее в работу. А женщина не могла приспособиться к этой работе, несмотря на свою выносливость, во много раз превосходящую мужскую, несмотря на свою способность к адаптации, более гибкую, чем у мужчин, потому что она мать, она должна защитить, сохранить ребенка, природа это учла. Но все равно она не могла привыкнуть к войне...

Вот мы в сорок второй году перешли линию фронта, остановились у какого-то кладбища. Немцы, мы знали, находятся в пяти километрах от нас. Это была ночь, они все время бросали осветительные ракеты, парашютные. Эти ракеты горят долго и освещают далеко всю местность. Взводный привел меня на край кладбища, показал, откуда бросают ракеты, где кустарник, из которого могут появиться немцы. Я не боюсь покойников, с детства кладбища не боялась, но мне было двадцать два года, я первый раз стояла на посту, и я за эти два часа поседела. Первые седые волосы, целую полосу я обнаружила у себя утром. Я стояла и смотрела на этот кустарник, он шелестел, двигался, мне казалось, что оттуда идут немцы...

Разве это женское дело – стоять ночью на посту на кладбище? Мы совершенно иначе в эмоциональном плане все воспринимаем. Мужчины проще ко всему относились, они как-то готовы были к этой мысли, что надо стоять на посту, надо стрелять.... А для нас это все равно было неожиданностью в силу нашей женской природы. Конечно, мы старались себя там приспособить, применить, но для нас все это было тяжело вдвойне...» У мужчины от природы другой уровень эмоционального восприятия, но в экстремальных условиях женщина оказывалась сильнее, выносливее.

Прошли годы, и Вера Сафроновна, глядя в прошлое глазами и его участника и его историка, все равно готова удивиться: как это она смогла, как это они смогли? Смогли пойти. Смогли выдержать. Смогли воевать. Уже сам по себе этот акт женского самопожертвования в нравственном смысле бесценен.

(454 слова)

(По С. Алексиевич)

Светлана Александровна Алексиевич (род. в 1948 г.) – советская и белорусская писательница, журналистка, сценарист документальных фильмов. Пишет на русском языке. Лауреат Нобелевской премии по литературе 2015 года.

46. Ум без книги, как птица без крыльев

Какое изобретение стало самым значительным за всю историю человечества? Учёные из разных стран единодушно решили, что это – книга. Не телефон, не самолёт, не атомный реактор, не космический корабль, а именно книга. Появление самолёта и космического корабля, овладение электрической и атомной энергией и ещё многое, и многое другое стало возможно именно благодаря изобретению книги.

И сегодня, несмотря на появление компьютера и развитие электронных средств коммуникации, книга не утратила своего первостепенного значения. Она по-прежнему остаётся самым надёжным и стабильным носителем и хранителем информации, которому не нужна никакая внешняя энергия. А потому книга пока и самый долговечный аккумулятор знаний. Она, как и в древние времена, служит главному: из поколения в поколение просвещает людей, то есть делает их светлее, ведёт к добру.

Многие думают, что обучать можно и устно. Конечно, можно. Только произносить слова, не записывая их, что писать вилами на воде. Так сказал один из создателей славянской азбуки, просветитель Кирилл. Услышанное слово, не закреплённое на бумаге, очень скоро стирается, уходит из памяти, вытесненное другими словами и впечатлениями. Да и можно ли положиться на его достоверность? Слово же услышанное, а затем ещё и прочитанное надолго сохраняется в памяти человека.

Какой бы интересной ни была домашняя и школьная жизнь ребенка, не прочти он драгоценных книг – он обделен. Такие утраты невосполнимы. Это взрослые могут прочесть книжку сегодня или через год – разница невелика. В детстве счет времени ведется иначе, тут каждый день – открытия. Чтение – это своеобразный паровоз, «локомотив» развития ребенка. Все методики раннего развития сходятся в одном: раннее обучение чтению принципиально важно для становления личности ребенка, для его «раннего старта». Ребенок, начавший читать самостоятельно, открывает окружающий мир с невиданной скоростью, он созидает свое личное пространство, выбирая те книги, которые нужны интересны именно ему. И острота восприятия в дни детства такова, что ранние впечатления могут влиять потом на всю жизнь. Впечатления детства – самые яркие и прочные впечатления. Это фундамент будущей духовной жизни человека. Люди всегда стремились не просто сохранить свои наблюдения и знания, но и обобщить их. И именно в книгах накопился опыт десятков поколений – всё то, что мы называем мудростью. Недаром наши предки говорили: «Ум без книги, как птица без крыльев». И означает это одно: как птица без крыльев взлететь не может, так и ум ограничен и скован без чтения книг.

У чтения действительно много плюсов. На первом месте – пополнение словарного запаса, что позволяет развивать и совершенствовать речевые навыки, а значит – становиться коммуникабельным, чувствовать себя более уверенно. Эти столь необходимые современному человеку качества неразрывно связаны с чтением, поскольку облегчают общение с людьми. Способствует чтение и развитию памяти и мышления. Оно заставляет активно работать нашу фантазию, сопереживать, представляя прочитанное. Чтение также снижает стресс, улучшает сон, повышает устойчивость к заболеваниям и даже способствует сохранению молодости. Во все времена в книге нуждаются все: и старые и малые. «Но с книгами у нас обстоит дело так же, как и с людьми, – писал Фейербах. – Хотя мы со многими знакомимся, но лишь некоторых избираем себе в друзья».

(477 слов)

(По материалам энциклопедии «Что? Зачем? Почему?»)»

47. Учитель

Замечательный человек, встретившийся мне в начале жизненного пути, был Игнатий Дмитриевич Рождественский, сибирский поэт. Он преподавал в нашей школе русский язык и литературу, и поразил нас учитель с первого взгляда чрезмерной близорукостью. Читая, учитель приближал бумагу к лицу, водил по ней носом и, ровно бы сам с собою разговаривая, тыкал в пространство указательным пальцем: «Чудо! Дивно! Только русской поэзии этакое дано!» «Ну, такого малохольненького мы быстро сшамаем!» — решил мой разбойный пятый «Б» класс. АН не тут-то было! На уроке литературы учитель заставил всех нас подряд читать вслух по две минуты из «Дубровского» и «Бородина». Послушав, без церемоний бросал, сердито сверкая толстыми линзами очков: «Орясина! Недоросль! Под потолок вымахал, а читаешь по слогам!»

На уроке русского языка учитель наш так разошелся, что проговорил о слове «яр» целый час и, когда наступила перемена, изумленно поглядев на часы, махнул рукой: «Ладно, диктант напишем завтра».

Я хорошо запомнил, что на том уроке в классе никто не только не баловался, но и не шевелился. Меня поразило тогда, что за одним коротеньким словом может скрываться так много смысла и значений, что все-то можно постичь с помощью слова и человек, знающий его, владеющий им, есть человек большой и богатый.

Впервые за все время существования пятого «Б» даже у отпетых озорников и лентяев в графе «поведение» замаячили отличные оценки. Когда у нас пробудился интерес к литературе, Игнатий Дмитриевич стал приносить на уроки свежие журналы, книжки, открытки и обязательно читал нам вслух минут десять — пятнадцать, и мы все чаще и чаще просиживали даже перемены, слушая его. Очень полюбили мы самостоятельную работу — не изложения писать, не зубрить наизусть длинные стихи и прозу, а сочинять, творить самим.

Однажды Игнатий Дмитриевич стремительно влетел в класс, велел достать тетради, ручки и писать о том, кто и как провел летние каникулы. Класс заскрипел ручками. Не далее месяца назад я заблудился в заполярной тайге, пробыл в ней четверо суток, смертельно испугался поначалу, потом опомнился, держался по-таежному умело, стойко, остался жив и даже простуды большой не добыл. Я и назвал свое школьное сочинение «Жив». Никогда еще я так не старался в школе, никогда не захватывала меня с такой силой писчебумажная работа. С тайным волнением ждал я раздачи тетрадей с сочинениями. Многие из них учитель ругательски ругал за примитивность изложения, главным образом за отсутствие собственных слов и мыслей. Кипа тетрадей на классном столе становилась все меньше и меньше, и скоро там сиротливо заголубела тоненькая тетрадка. «Моя!» Учитель взял ее, бережно развернул — у меня сердце замерло в груди, жаром пробрало. Прочитав вслух мое сочинение, Игнатий Дмитриевич поднял меня с места, долго пристально вглядывался и наконец тихо молвил редкую и оттого особенно дорогую похвалу: «Молодец!»

Когда в 1953 году в Перми вышла первая книжка моих рассказов, я поставил первый в жизни автограф человеку, который привил мне уважительность к слову, пробудил жажду творчества.

(454 слова)

(В.П.Астафьев)

48. Цель и самооценка

Когда человек сознательно или интуитивно выбирает себе в жизни какую-то Цель, жизненную задачу, он вместе с тем невольно дает себе оценку. По тому, ради чего человек живет, можно судить и о его самооценке – низкой или высокой.

Если человек ставит перед собой задачу приобрести все элементарные материальные блага, он и оценивает себя на уровне этих материальных благ: как владельца машины последней марки, как хозяина роскошной дачи, как часть своего мебельного гарнитура...

Если человек живет, чтобы приносить людям добро, облегчать их страдания при болезнях, давать людям радость, то он оценивает себя на уровне этой своей человечности. Он ставит себе цель, достойную человека.

Только жизненно необходимая цель позволяет человеку прожить свою жизнь с достоинством и получить настоящую радость. Да, радость! Подумайте: если человек ставит себе задачей увеличивать в жизни добро, приносить людям счастье, какие неудачи могут его постигнуть?

Не тому помочь, кому следовало бы? Но много ли людей не нуждаются в помощи? Если ты врач, то, может быть, поставил больному неправильный диагноз? Такое бывает у самых лучших врачей. Но в сумме ты все-таки помог больше, чем не помог. От ошибок никто не застрахован. Но самая главная ошибка, ошибка роковая – неправильно выбранная главная задача в жизни. Не повысили в должности – огорчение. Не успел купить марку для своей коллекции – огорчение. У кого-то лучшая, чем у тебя, мебель или лучшая машина – опять огорчение, и еще какое!

Ставя себе задачей карьеру или приобретательство, человек испытывает в сумме гораздо больше огорчений, чем радостей, и рискует потерять все. А что может потерять человек, который радовался каждому своему доброму делу? Важно только, чтобы добро, которое человек делает, было бы его внутренней потребностью, шло от умного сердца, а не только от головы, не было бы одним только «принципом».

Поэтому главной жизненной задачей должна быть обязательно задача шире, чем просто личностная, она не должна быть замкнута только на собственных удачах и неудачах. Она должна диктоваться добротой к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, стране, ко всей вселенной.

Поэтому я говорю лишь о главной жизненной задаче. А эту главную жизненную задачу не надо подчеркивать в глазах остальных людей. И одеваться надо хорошо (это уважение к окружающим), но не обязательно «лучше других». И библиотеку себе надо составлять, но не обязательно большую, чем у соседа. И машину хорошо приобрести для себя и семьи – это удобно. Только не надо превращать второстепенное в первостепенное, и не надо, чтобы главная цель жизни изнуряла тебя там, где это не нужно. Когда это понадобится – другое дело. Там посмотрим, кто и к чему способен.

(407 слов)

(По Д. Лихачёву)

Дмитрий Сергеевич Лихачёв (1906-1999) – советский и российский филолог, культуролог, искусствовед, доктор филологических наук, профессор, председатель правления Российского фонда культуры (1986-1993). Автор фундаментальных трудов, посвящённых истории русской литературы и русской культуры.

49. Человек создан для познания

Существует такое мнение: гениальная картина художника с течением времени так и остаётся вершиной горы, рядом с которой высятся другие горы, а творчество даже гениального учёного – всегда лишь ступень лестницы, по которой идут следующие исследователи. По моему мнению, в этом и состоит принципиальное отличие творчества в науке от творчества в области искусства, где главным является именно отражение личности художника.

Цель науки – производство новых знаний, и современная наука в этом смысле сделала грандиозный рывок. В день появления атомной бомбы человечество стало смертным, ибо достигло такого уровня развития, что в считанные мгновения может многократно себя уничтожить. Запуск первого спутника привел к осознанию планетарности всем обществом. С появлением нового поколения компьютеров и Интернета встает вопрос об изменении роли человеческой личности в развитии. Действительно, человек получает по наследству около 10⁹ бит информации и за все время жизни мозг человека может усвоить и переработать 10⁹ бит информации, такие же возможности у современных компьютеров.

За повседневными делами не всегда видно, что мы живём в переломный момент развития человеческой цивилизации. Ведущие страны мира превращаются в информационные общества, то есть общества, основанные на знаниях. Это связано с ускорением темпов развития науки, о котором свидетельствуют даже сухие цифры статистики. Действительно, количество мировой научной информации удваивалось в прошлом столетии каждые 10-15 лет. Неслучайно поэтому последнее десятилетие называют информационной стадией развития науки.

Способы, которыми люди создают, систематизируют, хранят и передают информацию, радикально изменились. Всё это, по-моему, вызывает много проблем, требующих своего решения. Например, знания очень быстро стареют. По современным оценкам, 80% тех, кто сегодня заканчивает институты, должны будут дважды за свою жизнь переучиваться и менять профессию. Другая проблема – негативное влияние «информационного шума» на человека. С самого рождения ребёнок погружается в такой поток информации, что не успевает её переживать и усваивать, то есть превращать в личностное знание. В результате накапливается своего рода усталость, и человек перестаёт творчески относиться к реальности, перестаёт вообще чего-либо хотеть, просто плывёт в информационных потоках, всё больше теряя себя как личность.

И как, спрашивается, жить в этом мире? Чтобы быть не щепкой в буре волн, а кораблём, который плывёт по воле хозяина, человек овладевает научным методом познания. Это означает, что нужно усвоить сложнейшие умения работать с информацией: осуществлять грамотный поиск, обрабатывать информацию и формулировать выводы. Выделять факты из окружающего мира (будь то телереклама, политические новости или сведения по специальности), анализировать эти факты, сопоставлять их – вот что должен уметь каждый человек в XXI веке. Исследовательское мышление дает каждому человеку шанс на самореализацию. Конечно, можно закрыться от потоков информации и полностью уйти в мир религиозных или чувственных переживаний. Однако отказ от познания окружающего мира означает насилие над основой человеческой сущности. Человек создан для познания. Чтобы быть не щепкой в буре волн, а кораблем, который плывет по воле хозяина, человек должен владеть научным методом познания в современном информационном мире. И к этому его должна готовить школа.

(454 слова)

(По М. Сергеевой)

Сергеева Мария Николаевна – писатель, переводчик, сценарист, искусствовед.

50. Что объединяет людей

Забота скрепляет отношения между людьми. Скрепляет семью, скрепляет дружбу, скрепляет односельчан, жителей одного города, одной страны.

Проследите жизнь человека.

Человек рождается, и первая забота о нём – матери; постепенно (уже через несколько дней) вступает в непосредственную связь с ребёнком забота о нём отца (до рождения ребёнка забота о нём уже была, но была до известной степени «абстрактной» – к появлению ребёнка родители готовились, мечтали о нём). Чувство заботы о другом появляется очень рано, особенно у девочек. Девочка ещё не говорит, но уже пытается заботиться о кукле, нянчит её. Мальчики, совсем маленькие, любят собирать грибы, ловить рыбу. Ягоды, грибы любят собирать и девочки. И ведь собирают они не только для себя, а на всю семью. Несут домой, заготовливают на зиму.

Постепенно дети становятся объектами всё более высокой заботы и сами начинают проявлять заботу настоящую и широкую – не только о семье, но и о школе, о своём селе, городе и стране... Забота ширится и становится всё более бескорыстной. За заботу о себе дети платят заботой о стариках-родителях, когда они уже ничем не могут отплатить за заботу детей. И эта забота о стариках, а потом и о памяти скончавшихся родителей как бы сливается с заботой об исторической памяти семьи и родины в целом. Если забота направлена только на себя, то вырастает эгоист.

Забота объединяет людей, укрепляет память о прошлом и направлена целиком на будущее. Это конкретное проявление чувства любви, дружбы, патриотизма. Человек должен быть заботлив.

Незаботливый или беззаботный человек – скорее всего, человек недобрый и не любящий никого. Нравственности в высшей степени свойственно чувство сострадания. В сострадании есть сознание своего единства с человечеством и миром (не только людьми, народами, но и с животными, растениями, природой и так далее). Чувство сострадания (или что-то близкое ему) заставляет нас бороться за сохранение памятников культуры, за природу, отдельные пейзажи, за уважение к памяти. В сострадании есть сознание своего единства с другими людьми, с нацией, народом, страной, Вселенной. Именно поэтому забытое понятие сострадания требует своего полного возрождения и развития.

Удивительно правильная мысль: «Небольшой шаг для человека, большой шаг для человечества». Можно привести тысячи примеров тому: быть добрым одному человеку ничего не стоит, но стать добрым человечеству невероятно трудно. Исправить человечество нельзя, исправить себя – просто. Накормить ребёнка, провести через улицу старика, уступить место в трамвае, хорошо работать, быть вежливым и обходительным... и т.д. и т.п. – всё это просто для человека, но невероятно трудно для всех сразу. Вот почему нужно начинать с себя.

Добро не может быть глупо. Добрый поступок никогда не глуп, ибо он бескорыстен и не преследует цели выгоды и «умного результата». Назвать добрый поступок «глупым» можно только тогда, когда он явно не мог достигнуть цели или был «лжедобрым», то есть недобрый. Истинно добрый поступок вне оценок с точки зрения ума или не ума. Тем добро и хорошо.

(447 слов)

(По Д. Лихачёву)

Дмитрий Сергеевич Лихачёв (1906-1999) – советский и российский филолог, культуролог, искусствовед, доктор филологических наук, профессор, председатель правления Российского фонда культуры (1986-1993). Автор фундаментальных трудов, посвящённых истории русской литературы и русской культуры.